I. Как они стали невидимы

В одном столичном городе на очень важной улице в нижнем этаже громадного дома жил - был очень ученый человек.

Однажды сидит ученый у окна,—а окно у него всегда было шторой завешено—и слышит такой разговор:

— Прокошк, а Прокошк?

— Что?

— Хорошо бы нам с тобой невидимками стать.

— О, о, о! Мы бы тогда делов наделали.

Ученый приподнял немного штору и выглянул во двор. Разговор вели Игнашка Точеный — сын бондаря и Прокошка — сын портного. Обоим вместе было лет двадцать пять. Ученый их знал хорошо; они были самые оголтелые ребята во всем дворе.

Стоило только ученому открыть окно, как в комнату к нему влетал камень, подбитая галка или ободранная кошка. Так уж и знали, чья это работа.

— Ах, будь ты неладен!..

Особое внимание к себе ребят и всей дворни приобрел ученый тем, что по двору носился слух, будто бы он по ночам с чертями знакомство водит.

Как-то Прокошкин отец проходил двором ночью в пьяном виде да под самыми окнами ученого и растянулся в луже.

— Ах, будь ты неладен! — выругался портной, взглянув в окно ученого.

— Ну, подожди ж ты, сатанинское семя,— погрозил он в окно.

Поглядел портной в окно да так и обмер. Видит он: стоит ученый у стола и какое-то снадобье из одной посуды в другую переливает. А снадобье-то красное-красное, словно кровь человека, и пар от него по всей комнате. И вдруг... комната наполнилась желтым светом, и ученый исчез.

Обомлел тут портной, куда и хмель девался, не рассмотрел как следует, в чем и дело; вскочил да бежать.

— Слушай, баба,— закричал он своей жене,— запирай скорее двери да крести все щели; ученый к себе чертей в гости вызывает... ох, уж и много налетело... с нами крестная сила!

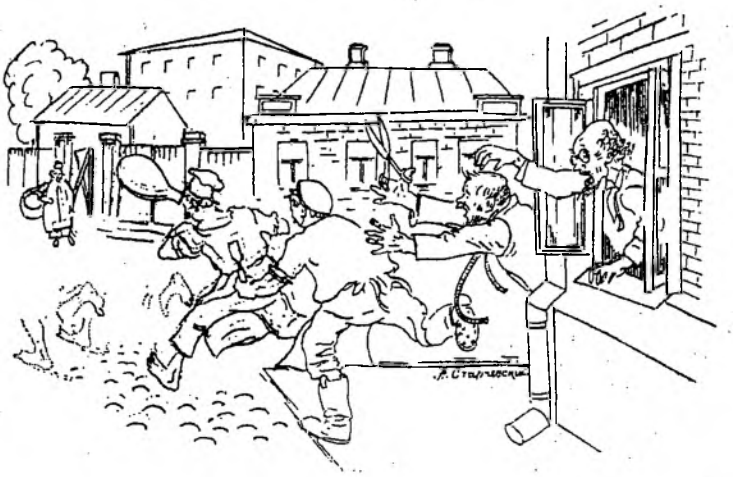
С тех пор и пошел по двору слух ходить, что ученый по ночам с чертями в карты играет.

А ученый этот был просто химик, производил разные опыты, хотел превратить глину

в золото. Он был немножко больной ученый, но добрый; золото он хотел из глины делать для того, чтобы раздать его бедным людям; ему думалось, что, если у всех будет золото, всем будет хорошо. Он не знал, что народ богат не тогда, когда у него много золота, а когда он много добывает хлеба, одежды, мяса, машин.

Но ученый как ни трудился из глины золото делать, у него ничего не выходило. И вот, когда он услыхал разговор Прокошки с Игнашкой о том, что недурно бы невидимкой сделаться, ученому пришла в голову мысль изобрести шапку-невидимку: берет человек в руки чудесную штуку,— и не видно его.

Ученый действительно открыл особый газ, который имел свойство пропитывать человека, окрашивать его под цвет света и скрывать от глаз другого.



...Держи их!

Но этого было мало ученому. Он стал добиваться того, чтобы сгустить этот газ, превратив его в шарик, дабы человек, как взял его в руку, так стал невидим. Ученый добился и этого, но... только наполовину.

Шарик должен быть засушен в лучах солнца. Ученый приготовил два таких шарика, и они несколько дней лежали уже на окне и сохли. И вот, когда уже все было готово, к окну ученого подошли Игнашка с Прокошкой.

— А ну-ка, Прокошк, становись к стене: я влезу на окно, посмотрю, что ученый делает.

Миг... и два хорошеньких шарика были в руках Игнашки. Словно солнцем кто заслонил парня,— он стал легким и невидимым.

— Игнашка!— окликнул его Прокошка,— где ты?

— Да вот, рядом с тобой, что ты, ослеп, что-ли? На вот шарик.

Прокошка ощутил в своей руке шарик и моментально скрылся из глаз Игнашки.

— Прокошка!— закричал тот, испугавшись исчезновения приятеля.

— Я тут.

И не успели приятели разобраться, в чем тут дело, как над ними, словно бомба разорвалась, ученый в окно высунулся.

— Ай, ай!— закричал он на весь двор,— жулики... держите, ловите. Караул! Шарики украли.

Прокошка с Игнашкой, видя, что дело плохо, но совершенно не подозревая, что они невидимы, бросились бежать.

Думая, что на самом деле к ученому забрались жулики, выбежал дворник с метлой, бондарь, портной, булочники с лопатами, словом, вся дворня. Ученый висел на окне и кричал: шарики, шарики.

— Ну, кажется, доучился наш барин — сказал дворник.

— Да, раз дело до шариков дошло у человека, значит, капут ему.

— Прокошк?— окликнул Игнашка. — Здесь.

— Ну-ка, попробуй, положи в карман шарик.

— Клади и ты.

Ребята положили в карман шарики и моментально стали видимы.

— Вон они, вон!— закричал ученый.— Лови их, держи! Жулики!

Вся дворня кинулась к ребятам.— Держи их!

— Бери скорей шарики в руки,— шопотом сказал Игнашка.

И ребята снова скрылись из глаз дворни.

— Прокошка!— закричал его отец.

— Игнашка, поганец, вернись домой!

— Жулики!— ревел ученый.

— Городовой!— орал дворник.

— Караул, грабят!— хором кричала вся дворня.

А Прокошка с Игнашкой стояли в сторонке и, посматривая на все это, посмеивались.

А. Фролов

(Продолжение следует).

II. Первые шаги невидимых людей

Когда во дворе все стихло, ученый успокоился, он решил сделать еще один шарик и пуститься за ребятами в погоню. Дворня разошлась. Прокошка с Игнашкой решили начать действовать. Первое, что им взбрело в голову — это снять вывески и перепутать их. Сапожника вывеску они повесили к портному, портновскую к бондарю. Пробравшись к дворнику, они забрали у него лопаты и метлы и покидали их на крышу. Заметив мимоходом в одном месте — люди обедают, они подсели рядышком, и только второе блюдо подали — они у двоих раз из-под самого носа и унесли.

Пошалив у себя на дворе, ребята вышли на улицу. Вот тут-то им было раздолье.

— Слушай, Прокошк, давай всем людям хвосты навяжем.

— Идет.

Ребята захватили в одной лавчонке хлопчатой бумаги, понаделали крючков из проволоки и кто бы ни шел по улице: барин ли, барыня—Прокошка с Игнашкой каждому хвост сзади подвешивают. Идут люди и смеются друг над другом — каждому думается, что у самого-то у него хвоста нет. Хватились — у всех хвосты, и пошли люди себя руками по заду водить, нет ли хвоста. Заметив такое безобразие, постовой городовой дал свисток. Его обступили недовольные граждане.

— Городовой, городовой! Что это за безобразие на улице творится! Честным людям проходу нет от хулиганов.

— Братцы, да у него у самого хвост сзади! Вот так городовой!

— Разойдись! — рявкнул он, срывая с заду бумажный хвост.

Толпа шарахнулась в сторону. Городовой бросился бежать на тротуар.

— А-а, так вот тут кто этими делами занимается! — вцепился он в какого-то молодого человека, из любезности незаметно пожелавшего снять хвост с хорошенькой барышни.

— Помилуйте! — вскрикнул тот.

— Ой! — взвизгнула барышня.

— Братцы, да у него у самого хвост сзади!

— Га-га-га! — ржали извозчики.

Чем тут дело кончилось, Прокошка с Игнашкой дожидаться не стали; они вскочили в пролетку первого попавшегося извозчика и поехали в центр города.

— Не мешало бы нам с тобой, Игнашка, приодеться малость,— предложил Прокошка.

— За чем же дело стало?

В первом магазине наши приятели выбрали себе самые лучшие костюмы, спокойно примерили их, в другом магазине обулись и, когда все ими было сделано, они положили шарики в карман и как ни в чем не бывало пошли по главной улице. Теперь их все видели, но никто на них не обращал внимания. Это были обыкновенные мальчики, прилично одетые, но немного неумытые. Дело было уже к вечеру. В магазинах зажгли огни, на улицу падали тени ночи. Ребята наши устали.

— Где гусь?

Уже ночь наступила. Ребятам захотелось есть. Не имея представления о ресторанах, ребята увидели в окно, что в большом доме за столами сидят много людей и хлебают щи. Это была столовая.

— А ну-ко, Игнашка, гайда сюда! — предложил Прошка.

Вошли. Громадный зал. Много столов, цветы, а людей... пахнет жирно, вкусно. Но вот задача: каждому сидящему подают только одну тарелку.

— Знаешь что, Игнашка, давай из одной тарелки с ними есть. Вон подсядем к тому толстому дяде.

За одним из столов сидел толстый-претолстый купец. Ребята взяли с пустых столов по ложке и невидимо подошли к столу купца и стали один с одной стороны, а другой напротив. Купец, должно быть, был голоден. Когда подали ему борщ, он быстро зачерпнул ложку, но, пока он жевал, пока глотал,— человек он был уже немолодой, неповоротливый,—Игнашка с Прошкой с двух сторон как начали из тарелки борщ уписывать... Купец глядит—в тарелке уж на донышке борщ остался.

— Что-за чертовщина!—подумал он.—Не успел ложку проглотить, а борща нет. Пока он проглатывал вторую ложку, в тарелке уже было пусто. Купец приподнял ее, думал, что худая она, поглядел под стол—нет. Все в аккурате. Потер лоб. Сам себе не верит: не то он ел, не то нет.

— Эй, голубчик, ну-ка подь сюда,—позвал он служителя.

— Что вам угодно?

— Ты подавал мне борщ али нет?

— Как-же, ваша милость. Подавал, как полагается.

— Что за чорт—две ложки хлебнул, а борща нет.

— Ничего гусь-то,— подумал служитель. — Сожрал борщ да говорит—не подавали. В такую утробу бочки мало, а он, ишь, тарелкой наесться захотел.

— Прикажете второе подавать?

— Если ты находишь, что я первое поел, так давай второе. Подали второе, гуся с яблоками жареного. Вот тут-то и началось. Только что было купец хотел гуся в руки взять, Игнашка цап его с тарелки—купец и рот разинул. Вскочил и, дико вращая глазами, гаркнул:

— Где гусь?

Прибежал хозяин. Подошли официанты. Кое-кто повскакали из-за столов.

— Где гусь?—опять гаркнул купец.

— Ну и прорва-же!— говорит служитель.— Только сейчас подал гуся—и даже косточек не оставил, обжора.

Купца стали уговаривать.

— Да, ведь, я ж не ел,— рычал он.— Вы что это меня за пьяного, что ль, принимаете?

Чтобы не поднимать шуму, купцу подали второй раз второе блюдо, и сам официант не отходил от стола.

Купец стал есть. Официант заметил, что он ест, как обыкновенный человек.

— Что, голубчик, у вас тут, грешным делом, чертей не водится?— спросил купец, отправляя в рот второй кусок.

— Избави бог, ваша милость! Что вы!

Игнашка моргнул Прошке—дескать, крой! И не успел купец с официантом глазом моргнуть, как Прошка гуся и тарелку со стола — раз. Купец так и вскочил. Официант замер. А Игнашка — не будь дурак да горячим соусом как мазнет купца по губам, так тот прямо на соседний стол и завалился. А там осетрину с хреном ели; купец, думая удержаться, прямо руками в осетрину с хреном и ввалился.

И поднялось такое в столовой, не приведи аллах. Одни думали, что купец с ума сошел, а другим показалось, что жулика поймали.

— Держи, держи его!—кричат. Купец без шапки да на улицу. Купец толстый был, а дверь узенькая. Он и застрял в простенке между дверями. Кто, не разобрав, в чем дело, видит, что толстяк силится поскорее выскочить из столовой, подумал, что это бандит, да, не долго думая, раз купцу по шее.

Чем там дело кончилось — Игнашка с Прошкой дожидаться не стали.

* * *

Время было подумать о ночлеге. Прошка было высказал мысль вернуться домой. Но Игнашка воспротивился этому.

— Где же мы ночевать-то будем?—спросил тогда Прошка.

— Вот сказал тоже! Где захотим, там и ночуем.

Ребята шли центральной улицей. В окна магазинов было все видно. Их заинтересовал игрушечный магазин. Прошке понравилась труба, а Игнашке барабан. Не долго думая, ребята вошли в магазин. Народу там никого не было. За стойкой сидел только хозяин, старый, лысый старичек, и что-то считал.

Вдруг он слышит: в магазине затрубила труба и ударили в барабан.

— Что такое?—подумал он, оглядывая свои инструменты. Все на месте. Играют барабан с трубой да и только. Хозяин привстал. Оглядел ся — играют.

Это Игнашка с Прошкой сели на больших деревянных коней и дуют—один в трубу, другой в барабан.

— Жарь, Прошка, сильней!

Хозяин видит, что тут что-то не так, из-за стойки да на улицу. Запер магазин и скорее за городовым.

Ребята видят, что их заперли, чуть-чуть вструхнули. Как выйти?

— Бей трубой в стекло, — предложил Игнашка.

И только что хозяин с городовым к окну магазина подошли, как Прошка ахнет трубой в окно—городовой с хозяином так и отскочили.

Городовой сразу решил, что в магазине не иначе — вооруженные бандиты. Свисток. Сбежался народ.

— Что тут? как? где?

Вооружились и стали наступать. Открыли дверь в магазин. Вошли: боятся все.

— Сдавайся! — кричат.

Игнашка с Прошкой незаметно вышли да в шутку взяли и заперли дверь снаружи.

— Пусть посидят там. Идем, Игнашка, спать куда-нибудь.

Дорогой зашли к фруктовщику, понабрали там яблок и вышли на улицу. Было уже поздно. Магазины стали уже закрываться.

А. Фролов

(Продолжение следует)

ПОХОЖДЕНИЯ ПРОКОШКИ И ИГНАШКИ

III. Ночевка

Спать пришлось Игнашке и Прокошке с особенными приключениями. Знай они, что в жизни существуют гостиницы со свободными комнатами, они бы могли свободно проникнуть в помещение, выспаться там и уйти утром незамеченными; но они этого не знали и долго ломали головы, где бы им переночевать.

Сначала им пришла в голову мысль ночевать в мебельном магазине: там были и кровати, и матрацы, и подушки, но... хотя ребята наши были и не особенно избалованный народ, ночевка в мебельном магазине им не понравилась.

— По-моему уж лучше на улице ночевать— предложил Прошка. — А то — домой направимся.

— А, домой! — с сердцем сказал Игнашка. — Раз ушли, теперь нечего возвращаться.

— Идем!

Уже совсем стало темно. С трубой и барабаном ребята прошлись еще по улице и остановились у магазина с готовым платьем. На окне ребятам бросились в глаза два хорошеньких деревянных мальчика в детских костюмчиках, что дало повод Игнашке предложить своему другу переодеться. На самом деле, ребята были одеты плохо.

— Что ж, идем — сказал Прошка.

Но, войдя в магазин, ребята не сообразили, что одежу можно взять в самом магазине, и они залезли на окно, благо оно было изнутри завешено, и приступили к раздеванию деревянных мальчиков. Раздевают они их, а с улицы народ глядит в окно и дивится: Прошки-то с Игнашкой, благодаря шарикам, не видно, а болваны крутятся в их руках и раздеваются, — точно по волшебству — сами. Стал собираться народ. Вот, думают, купец какую рекламу придумал.

— Гляди, гляди, одеваются! Вот-так штука!

Это Прошка с Игнашкой стали на деревянных мальчиков свои портки и рубаху одевать.

— Вешай им и трубу с барабаном — предложил Прошка.

Толпа с улицы, как увидала, что на деревянных мальчиках рваное, грязное белье и барабан с трубой на шее, то пришла в такой восторг, что чуть окно не выдавила.

Какой-то представитель газеты, увидев все это, заинтересовался и, думая, что это новоизобретенная реклама, бросился в магазин интервьюировать купца. А там сидят себе и ничего не видят, что на улице происходит,— окно-то второе изнутри магазина завешено.

— Слушайте, гражданин!— вбежал в магазин репортер, обращаясь ко всем.

— Кто здесь хозяин?

— Я-с!— выступил человек шарообразного вида. — Вам костюмчик изволите?

— Да нет. Как это у вас здорово с переодеваньем-то сделано.

— А! — ухмыльнулся купец. — С переодеваньем-то. Оченно-с удобно. Пожалуйте сюда — указал он за перегородку. Ни единая душа ничего-с не увидит.

— Да я не про то... реклама ваша на окне оригинальна.

— Как же-с, как же-с — реклама самая настоящая.

— Да как это?

— Что?

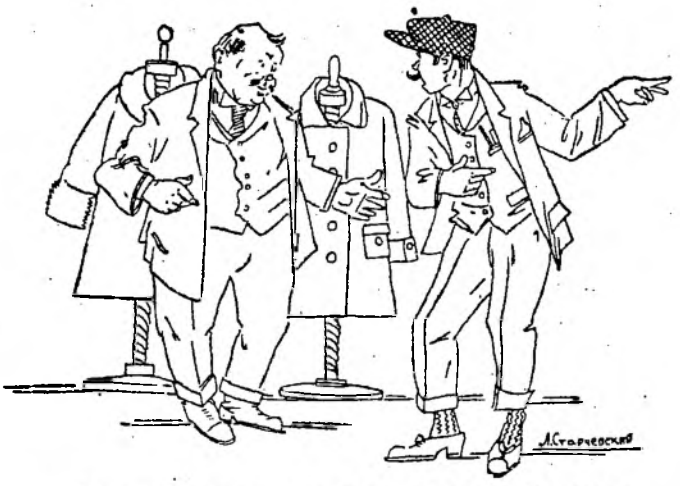
— Да с переодеваньем-то.

Тут купец переглянулся с приказчиками: дескать, ребята, гляди в оба: или жулик ловкий, или того — указал он на лоб. Молодцы встали.

— Так что же, вам, господин, угодно? — спросил купец.

— Да вы посмотрите, что у вас на окне-то делается.

— А что? — уже испугался купец.



— Да вы посмотрите, что у вас на окне-то делается.

Взглянул и обомлел: стоят на окне два деревянных мальчика в рубище и у одного труба на шее, а у другого барабан. А народу с улицы у окна — уйма. Смех, хохот. Купец до того растерялся, что не мог слова вымолвить. Стоит и вращает глазами. В голове одна мысль: чудо... как есть чудо.

Городовой с поста, заметив большое скопление народа у магазина, думал: несчастье какое случилось; прибежал, увидал, засмеялся и сплюнул:

— Ведь это што ж, на что идут мошенники — подумал он на купца.

А купец, заметив городового через окно, к нему, чтобы выяснить.

Подошел и не знает, что сказать.

— Ну-с, — засмеялся городовой, узнав купца, — ловко-с обдумали.

— Да-с, — ответил купец, тоже улыбаясь.

— Хитро-с! — сказал городовой.

— Да уж что говорить! — произнес купец.

Прошка с Игнашкой, видя, что дело тут принимает серьезный оборот, шмыгнули на улицу. Они теперь были одеты в хорошие матросские костюмчики, с босыми ногами, неумытые и нечесанные. Шарики они держали в руках и шли невидимо. Обоих уже клонило ко сну.

— Идем сюда — предложил Прошка, останавливаясь у дома с богатым под'ездом.

Ребята вошли вверх по ковровой лестнице и остановились у двери.

— Звони сюда!

Игнашка изобразил из себя козла у стены, Прошка забрался к нему на спину и позвонил. Дверь открыла горничная. — Неужели почудилось, — подумала она, никого не видя.

Приятели тем временем юркнули в дом. Было что-то около десяти часов вечера. Самих хозяев в квартире еще не было, но во всех комнатах горел свет — таких комнат ребята раньше никогда не видели: кресла, диваны, столы, цветы, ковры, картины, и так все чисто, красиво.

— Во-о! Попали-то! — шепнул Прошка Игнашке.

— Живут здорово: богатеющие, должно быть, барины.

В столовой ребята увидели приготовленный к ужину стол. Захотелось подзакусить, но, так как тарелки были пусты, Прошка с Игнашкой взяли и побросали их с досады на пол. На звон посуды прибежала старуха экономка, за ней горничная. Старуха так и ахнула.

— Аннушка, да ты что это, милая, ошалела что-ли, — набросилась она на горничную, — а?

— Да вы что это, Варвара Филипповна, в самом деле, за дуру меня что-ли принимаете: сами свалили на пол посуду, да на меня.

— Как... я? Ах ты, корова архиерейская, да я тебя за этакие слова, знаешь?

— А ну, ну, попробуй! — наступала молодая на старую.

Женщины чуть-чуть не вцепились друг другу в волосы, если бы вдруг не залаяла в зале собака. Игнашка с Прошкой, видя, что им в столовой делать было нечего, прошли дальше и попали в залу, а там на медвежьей

шкуре лежал большой барский пес. Не видя ребят, собака все-таки учуяла их запах и залилась на весь дом так, что в соседней комнате, где была детская, заплакали дети. Проснулись няньки. Все кинулись в зал унимать собаку. Прибежал швейцар Мартын с щеткой, няньки, горничная, экономка.

— Лапидас тише, цыц! Что ты, сбесился, что ли? У-у, дьявол! — замахнулся на него щеткой Мартын.

В это время, как на грех, раздался у парадной звонок.

— Батюшки мои, сами приехали! Аннушка, накрывай на стол.

— Лелечка, Мишечка, тише! — зашептали в детской няньки.

Собака и Мартын бросились к парадному...

Вошел барин с женою и сразу заметили, что в доме беспорядок.

— И что вы тут делаете! — накинулась барыня на прислугу.

— Еще стол не накрыт? Не спят дети? Что это за безобразие! Это еще что за новость! — ужаснулась барыня. — Кто смеет играть!

Игнашка с Прошкой, заметив пианино, моргнули друг другу глазом, стали рядом у пианино и как ударили по клавишам, так по всему дому и покатилось, словно кто посуду битую швырять стал.

Старуха экономка, не успевшая во-время выйти из зала, как услыхала, что пианино без людей заиграло, да, крестясь, бегом из зала.

— Родные, милые! С нами крестная сила! У нас нечистый!

Вбежал и барин с барыней, да так на пороге и застыли: пианино рычит, а около никого нет. Настоящая чертовщина.

— Мартын, Мартын! — еле выговорил барин.—Позвони в телефон. Вызови!

— Да кого-ж, барин, вызвать-то в эдакую пору?

— Зови врача.

— Попа!

— Пожарных!

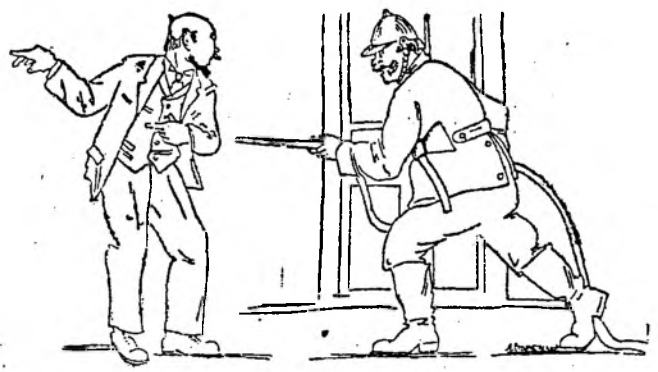
Мартын кинулся к телефону; а Прошка с Игнашкой, никогда не видя этой штуки, слышат, о чем народ говорит, да следом за Мартыном. Стали и смотрят, как Мартын трубку взял и к уху приставил.

— Пожарная часть! — кричит. — Да, да. Нет! Нечистая сила... вроде пожара.

Не прошло минуты, как в дом в блестящих касках с кишками в руках ввалились пожарные.

— Где, где пожар?

Тут заговорили все хором, кто о чем. Брандмейстер, как человек образованный, приписал все это испугу и, переглянувшись с пожарными, решил без слов, что в доме не у всех все в порядке.



— Где, где пожар?

— Надо бы врача,— посоветовал он. И шасть к телефону, за дежурным врачем, да кстати уж и за полицией на случай составления протокола по части нечистой силы.

А Прошка, когда Мартын отошел от телефона (и что ему вздумалось!) побежал в столовую, схватил там горчицу да возьми трубку-то, что к уху прикладывают, и намажь.

Только брандмейстер приложил ее к уху, чтобы говорить, да как бросит... с уха у него так и потекло жидкое, вроде детского. Пожарные как загогочут, а горничная, желая помочь знакомому ей брандмейстеру, подскочила к нему да фартучком и пошла ему вытирать ухо.

Дело кончилось тем, что всем стало смешно, забыли про нечистую силу, барин дал пожарным на чай, и, благодаря горчице, все обошлось благополучно.

Ночь приближалась. Ребятам сильно захотелось спать и они, пробравшись в спальню и увидев две постели, там легли: Прошка на одну, Игнашка на другую.

Уснули, забыв все и вся.

Должно быть, уже было очень поздно... Слышат ребята в спальне крик.

— Спасите! Караул! Разбойники!

Кричала барыня. Она спокойно пришла в спальню, разделась и только хотела было лечь на свою кровать, чувствует, кто-то лежит на ней, а это Прошка. Видать-то его не видно, а чувствуется, что лежит. На крик прибежал барин. Прошка проснулся, да в кровать к Игнашке. Барин пощупал постель — никого.

— Это тебе почудилось, милочка, — успокоил он жену.

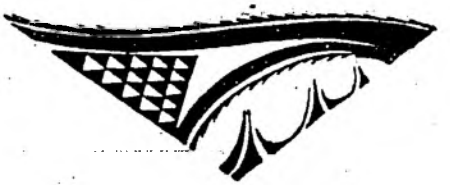
Так и решили, что почудилось.

Барыня уснула, барин ушел в свой кабинет работать. Прошка и Игнашкой спокойно проспали до утра на постели барина, и, когда утром рано заглянуло в спальню солнце, Игнашка, проснувшийся первым, сказал Прошке, толкая его в бок:

— Ну, пора, брат, нам выбираться отсюда. Вставай!

А. Фролов

(Продолжение следует)



IV. С чего это началось

Несмотря на все происшествия в доме господ, во время ночевки, ребята проспали до утра спокойно. Вопросы пищи, одежды их уже не занимали; все, что бы они ни пожелали, они имели возможность взять, всюду они имели доступ.

До полудня они гуляли. Погода стояла летняя, и день выдался очень жаркий. Дорога, тротуары, дома и крыши накалились до того, что дышать нечем. Люди ходили, как вареные. На центральной улице два дворника собрались поливать дорогу. Приготовились, сошлись вместе да слово за слово — и заговорились, а брандсбойты положили. Оставалось кончить разговор, открыть кран, и пошла поливать. Но разговор у дворников был интересный: о жаре говорили, о деревне, о засухе. В это время откуда ни возьмись Игнашка с Прокошкой. Увидали ребята на дороге блестящие брандсбойты лежат и кишка длинная, как змея, да шасть на дорогу. Известное дело: вода для ребят, что вода уткам: открыли они водопроводный кран, брандсбойты в руки, да как пустят водой на тротуар с двух сторон. Батюшки мои, что тут поднялось! Барыни, барыньки, господа в котелках, баре в шляпах как вдарятся, кто куда. Крик, шум, гам, смех, недовольство. Бегут, кричат, и все мокрые. А ребята, знай, поливают и норовят всех людей водой облить. Дворники видят, что народ бежит и брандсбойты поливают, — ребят-то видно не было, — скорее к кранам, чтобы, значит, запереть их. А Прокошка с Игнашкой, не будь дураки, только дворники до крана, они как наставили им струю воды в самый нос, они и того... зачихали. Еще раз метнулись — они опять. Дворники — бежать.

Через минуту на обоих тротуарах улицы никого не осталось. Народ столпился на расстоянии недосягаемости воды — дивятся на чудо, а подойти боятся. Брандсбойты поливают, а людей не видно. Никто толком не разберет, в чем дело. Нашлись какие-то смельчаки, бросились, было, кран закрыть, ребята как окатят их водой, они назад. Тут вмешалась в дело власть — позвонили в полицию. А народ с обоих концов улицы заполнил. Никто верить не хочет, чтобы сами брандсбойты народ обливали. Чудо. Началась давка. Пошел разговор, что это дело нечистой силы. Сначала это было смешно. А, как увидели многие, что сами брандсбойты поворачиваются в разные стороны, словно ими кто управляет, хоть и день белый, а стало страшно, стали креститься. Один поп, убедившийся в том, что это дело не иначе, как нечистой силы, осенил себя крестным знамением да с крестом в руке и двинулся на брандсбойты. Ребята видят, что дело плохо, да как с двух сторон приняли попа в кишки, поп не знал, куда ему и

деваться. Не прошло секунды, он, как мокрая курица, снова стоял в толпе, и все на нем до нитки было мокрое.

— Что, батюшка? Окрестили? — смеялась толпа.

Поп чихал, крестился и еле переводил дух. А народ: ха-ха-ха!

Тогда ринулся было солдат с ружьем, ну да куда — чуть вода с ног не сбила. А народ все прибывал. Движение по улице прекратилось. Прибыли конные городовые — до чуда и не протиснуться. Стали народ нагайками разгонять. Народ стал возмущаться. В полицию полетели камни. Пригнали полк солдат. Пожарные приехали. На поливающие брандсбойты началось настоящее наступление. Пожарные воды не боятся — напролом лезут. Прокошка с Игнашкой видят, что дело плохо, побросали брандсбойты наземь и в сторонку. Пожарные кран было закрыли, но... не успели. Народ как хлынул с двух сторон чудо смотреть — пожарные в кольце — давят. Они уговаривать народ. Не принимают в резон. Тогда пожарные, чтобы не быть раздавленными, брандсбойты в руки, да как начали всех холодной водой поливать — народ бежать.

Крик, ругань, давка.

Кто этого не видел, думали, что опять начала действовать нечистая сила. А кто видел, говорили:

— Какая там нечистая сила, — пожарные народ обливают.

— Как? сами пожарные? — возмущался народ.

— А, ты что ж, на самом деле думал, что нечистая сила?

— Да я сам попа видел, как он противу нее шел.

— Э-э, милый, обуй глаза, протри нос! Вишь, нашего брата полиция лупит и водой обливает.

— Да что ты?

— Вот-те что.

Пока шло это дело, жулики несколько магазинов обокрали. Начался погром. Квартал оцепили войсками. Возмутившийся народ вступил с ними в драку. На окраинах города говорили, что в центре идет настоящее сражение. В правительстве началась паника. Заработали телефоны. По-настоящему никто не знал, что происходит, но одна маленькая неизвестная газетка, желая себя на свет показать, выпустила экстренный номер с заголовком: бунт народа, разграбление магазинов, улицы охвачены восстанием, двинуты войска.

Газету все нарасхват. Купцы стали закрывать магазины уже и на дальних улицах. За оглашение недозволенных фактов редактор был немедленно арестован и по городу расклеили воззвание градоначальника: „Вследствие распространения по городу злонамеренными лицами слухов, подрывающих существующий строй, город об'является на осадном положении".

Город сразу замер, магазины закрылись. По домам только и разговор, что о происшествии. У градоначальника было созвано экстренное совещание на случай принятия мер против начавшихся событий. На совещание были приглашены редакторы уважаемых газет. На собрании выяснилось, что в городе появилась тайная организация, методы агитации у которой очень своеобразны.

Чтобы подорвать престиж власти, они подвязывают людям на улице хвосты, прилично одетые манекены переодевают в рубища. Этому факту придали большое значение. На историю

... с двух сторон приняли попа в кишки

с купцом в столовой посмотрели как на покушение на право буржуазии. Сопоставив все это вместе и приняв во внимание поливание водой, решили, что уже началось открытое выступление организации против существующего строя.

Попутно выяснилось, что организация опирается на детей, которые, будучи совращены, убегают от отца и матери и бесследно пропадают. Так, на-днях бесследно пропали два мальчика: сын бондаря Игнашка и сын портного Прокошка.

...так растянулся на дороге

Последнее сообщение привело к тому, что было постановлено немедленно арестовать портного и бондаря.

Дело приняло оборот нешуточный. Улицы опустели; на углах стояли усиленные наряды полиции, и ездили конные жандармы. Настроение ребят от пустоты улиц было скучное. Вот в это-то время и пришла им в голову мысль пойти домой и посмотреть, что там делается. Идут. Глядь навстречу:

— Игнашка, гляди, кажись, твоего отца городовые в часть ведут.

— Да и твоего, Прокошка, тоже.

По дороге среди пустых тротуаров человек десять городовых бондаря с портным вели. Безобидные мужики, не зная, в чем дело, за что их забрали, куда ведут, еле живы шли и только говорили: — Братцы, да за что же это?

— Иди, иди, иди! — подталкивали их городовые.— Вам там зададут бунту!

Ребята, видя, что их отцов бьют, закричали:

— Эй, вы, селедки! чего деретесь? а то камнем!

— Что-о! — рявкнули городовые, оглядываясь во все стороны.

Кругом никого. Городовые переглянулись. Попритихли, думая, что это на них кричат из-за заборов. Выхватили ноганы.

Прокошка с Игнашкой пошли рядом. Игнашка и говорит Прокошке.

— Подставляй вон тому городовому ногу.

Прокошка забежал вперед и только крайний городовой поровнялся с ним, он — раз ему ножку; тот всем телом так и растянулся на дороге; револьвер отлетел в сторону.

— Эх, будь ты неладен! — выругался он.

— Эк, тебя угораздило, Мордасов, плюхнуться не во время. А еще городовой!

Прокошка, пока городовой поднимался, жик револьвер, схватил. Бросились искать револьвер — день белый, а револьвера нет.

В это время Игнашка у другого городового цап револьвер из рук,— тот по сторонам — никого.

— Не сметь, стрелять будем!

Городовые так и присели. Спасибо, часть была близко, а то бы разбежались. Вошли все гурьбой и прямо приставу:

— Ваш бродь, позвольте доложить: это такие бунтари, что насилу довели их. Обезоружить нас пытались.

— Братцы! — взмолились те,— да что же вы врете-то?

— Что-о?! — гаркнул пристав. Городовые врут? Городовые никогда не врут. Говори кто вы такие?

— Я по бондарной части, ваше благородие. Сколько лет живу — и в помине не было...

— Молчать! — заорал пристав. — Где ваши дети?

Тут выступил портной: — Так что, ваше благородие, дело было так: ученый у нас, значит, на дворе живет, с чертями в роде знакомство водит; захаживают они к нему иногда в картишки поиграть. А наши, значит, ребята, сами знаете, беднота, ну и того, в окно посмотреть влезли. А ученый, значит, караул. В роде, будто наши дети у него какие-то шарики украли. С тех пор и пропали ребята. Заявляли в часть — нету.

— Так, так... — протянул пристав.— Ученый, значит, в это дело замешан. Шарики. Знаем мы теперь, что это за шарики. А ну-ка, ребята, — обратился он к городовым, — посадите-ка молодцов в теплушку: пусть погреются.

— Ваше благородие! — взмолились портной с бондарем. Пустите душу на покаяние.

— Молчать! — крикнул он.

А. Фролов

(Продолжение следует)

ПОХОЖДЕНИЯ ПРОКОШКИ И ИГНАШКИ

V. События разрастаются

Вопрос об аресте ученого химика был решен. Не сомневались, что под видом ученого живет не иначе, как революционер, делающий бомбы. Постановили квартал оцепить войсками и на дом начать наступление военными силами. Думали, что при аресте будет оказано сопротивление. Портного и бондаря впредь и до выяснения дела посадили в каталажку и, когда их вели туда, Прокошка с Игнашкой шепнули им: не бойтесь! Они шепнули, а тем показалось — они сами подумали, что бояться нечего, и успокоились. Игнашка с Прокошкой пошли в канцелярию наблюдать, как полиция готовится к аресту ученого. Ровно в полночь приехало во двор много казаков, городовых набрали, приготовили пожарную бочку на случай пожара. И, как только месяц закрыл глаза тучами, с полицейского двора и двинулись. Прокошка с Игнашкой примостились на пожарной бочке. Едут, а пожарные и говорят:

— Знаешь, брат, дело скверное.

— А что?

— Бонбы рваться будут.

— Да ну!

— Разорвется в раз — и перекреститься не успеем.

В'ехали в знакомую улицу. Огни в домах давно спали, и в улице было темно. Только у ученого огонек горел.

— Тише! — скомандовал начальник отряда.— У ученого свет виден. Подходите осторожно.

— О, господи, пронеси грозу,— шептали вояки, приближаясь к дому. Немного не доходя остановились. Огляделись. Стали соображать, как надо дом обкружить в случае, если бы революционеры вздумали разбегаться. Нужен был охотник, который бы добрался до окна ученого и посмотрел, сколько там собралось у него революционеров. Один казак-пластун вызвался. Пополз. Игнашка с Прокошкой за ним. Только тот подняться хотел посмотреть, ребята как крикнут с двух сторон: „дядя, бонба!!".

— Ой! — заорал тот благим матом, падая на четвереньки и обхватывая руками голову.

— Отряд, ложись! — скомандовал начальник, услыхав крики. Отряд лег на земь. Лежат. Ждут. Тихо. Темно. Яркий свет в окне ученого приковал всех.

— В перебежку к дому! — раздалась команда.

Все ближе, ближе. Кольцом дом обступили. Замерли. Ждут приказа в дом ворваться. Момент — и ворвались. Ворвались и испугались: сидит за столом старый-престарый старик в очках, а перед ним, как огонь горит, лежит красный шарик.

— Руки вверх! — крикнули ученому.

А ученый до того увлекся изобретением что не слышал, ни что на дворе делалось, ни как вошли. Он заметил полицейских только, когда они крикнули ему: руки вверх! Ясно, пришла в голову мысль: им нужен шарик. Старик даже весь затрясся. Он моментально вскочил, и не успели полицейские слова произнести, как он на их глазах схватил шарик и исчез, как сквозь землю провалился. Полицейские так и присели. Всем казалось, что они вместе с ученым взорваны на части и летят кто куда. Они даже не кричали от испуга, а сидели на полу, шевелили губами и таращили глаза, не зная, не то они живы, не то мертвы. Игнашка с Прокошкой, догадавшись, в чем тут дело, погасили свет. У полицейских совсем душа в пятки ушла.

— Ну, думают, в ад прямо летим. Господи, прости! — зашептали.

... сидели на полу, шевелили губами и таращили глаза

Происшествие с ученым привело к тому, что власти совсем потеряли голову; несуразные об'яснения перепуганных полицейских, что ученый взорвал себя бомбой и исчез, а по проверке потом оказалось, что никакого взрыва в доме ученого не было, дом и комнаты целы,— из всего этого было сделано заключение, что в войска проник революционный дух, и они нарочно дали возможность убежать ученому бомбисту.

В городе с каждым часом становилось тревожней. На окраинах шла уже борьба. Жители высыпали на улицу — их стали разгонять. Они взялись за камни — в них начали стрелять. Они построили баррикады. Игнашка с Прошкой, попавши на окраину города, заметили, что на улицах толпятся знакомые из соседних домов, а на них наступают войска и полиция. Толкаясь за баррикадами, очень похожими на горы старых вещей на базаре: тут были и бочки, и клетки, и старая собачья конура, ребята, путаясь в этой деревянной паутине, слышали такой разговор:

— Эх, если бы только нам оружие достать где.

— Слышь, Прокошка, в чем запятая: у них оружья нет. Давай им свои револьверы отдадим.

— А зачем? — сказал Игнашка. Идем-ка вон туда,— указал он по другую сторону, где стояли солдаты.

Недалеко от баррикад, составив ружья в козлы, сидели солдаты, и в ожидании распоряжений начальства тихо беседовали о том, что говорилось в городе в связи с событиями. Дело было к ночи. Кое-где постреливали, а в этой части города было пока тихо — готовились к чему-то. Один из солдат рассказывал:

— Иду это я, братцы мои, городом, вижу: навстречу человек идет, черный-пречерный и глаза красные. Стой,— говорит,—солдат. Если ты будешь в народ стрелять, то... и словно сквозь землю провалился.

— Эх, ребята,— начал другой солдат,— конец пришел, видно. Бают, быдто в одном доме сидели люди за обедом, обедали — и вдруг тарелки как подымутся со стола и пошли летать по комнате.

— А я что слышал. Говорят, по городу собака черная бегает, ее глазом не видно, а она как укусит кого, человек сам в собаку превращается.

И вот в самый момент такого разговора Игнашка с Прокошкой взяли где-то, по-дворницкому, метлу, подошли к солдатам — а уже темнеть стало — да, не долго думая, и пошли метлами махать над ними. Метлы машут, а людей не видно. Начни стрелять из пушек — солдаты бы и ухом не повели, а тут, как увидали они: метлы машут, только пустое место от солдат осталось — все разбежались.

Этого только ребятам было и нужно. Когда солдаты опомнились от страха, винтовок уже не было.

Утром произошел жаркий бой. Правительственные войска были разбиты на этом участке, часть, где сидел бондарь и портной была захвачена восставшими. Видя свою гибель, правительство пустило в ход артиллерию. Над

городом поднялся шар, который руководил артиллерийской стрельбой.

Дело приняло худой оборот. Шар, висящий над землей, указывал, куда стрелять надо. Уж плохо приходилось. Вот-вот разнесет артиллерия баррикады.

— Эх, кабы вон энтот шар пустить кверху,— сокрушенно говорили на баррикадах.

— Игнашка, ты слышь, что говорят они? Надо бы тот шар в небо пустить, а то, вишь, он мешает им.

— Зачем же дело стало! Айда! Авось что-нибудь и сделаем.

Шар днем поднимался над городом, а ночью снижался. Он был страшно велик и держался на железных канатах. Прокошка с Игнашкой пробрались с вечера в парк, оглядели все как следует, попробовали канаты — нет, не перерезать их им.

— Знаешь что!—сказал Прокошка,—давай, друг, подойдет утро, и как только начнут пускать шар, возьмем да и сядем на него и будем оттуда руками показывать, чтоб не туда стреляли, где наши.

Уговорились.

Было красивое солнечное утро: небо, словно море голубое — ни одного облака. Ранняя весна — тепло, зеленеющая трава, птицы, и синь утренняя. Полсотня солдат торопилась около шара. Летчики-офицеры были наготове. Сели в корзину. Игнашка с Прокошкой себе за ними и, чтобы не мешать, в уголках корзины и сели. Корзина большая, точно комната.

Загрохотала лебедка. Шар, словно почуя, что ему скоро подниматься, качнулся медленно. Потом, точно напружился, ровно стал, канат натянул и начал плавно подниматься вверх. Вот отделилась и корзинка от земли. Как на ладони город весь виден. Чудной он сверху; не город, а так ерунда какая-то: ни красоты, ни радости. А люди — точно кляксы на бумаге. Игнашка с Прокошкой думали, что руками можно земле с шару указывать, а еще поднялись немного — и совсем почти ничего не видно. Шар как будто в небо верхушкой стукнулся и стал. Один из офицеров в подзорную трубу посмотрел, потом стал по телефону говорить:

— Баррикада в улице М., прицел тридцать...

Чуть слышно вверху, глухой удар выстрела из пушки раздался.

— Недонос. Прицел сорок... Верно. Чаще выстрелы... Так... Бегут. Баррикада горит.

— Игнашка, дело плохо, надо что-то делать.

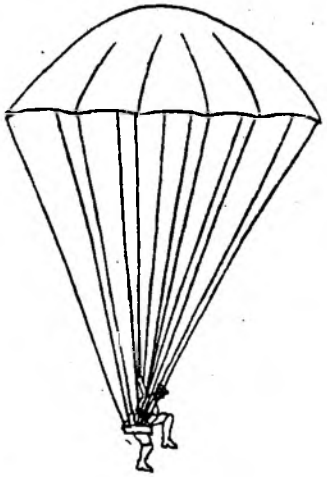
— Бросай телефон из корзины — вот и все,— предложил Прокошка.— Пусть попробуют покричать отсюда.

Офицера глядели в подзорную трубу, любуясь красотой убийства снарядами людей, а Игнашка в этот момент и выбросил телефон за борт корзинки. Хватились офицера и заметались, не видя телефона и не зная его исчезновения.

— Что делать?

Глянули вниз: со всех улиц вытесняют правительственные войска: артиллерия бьет по пустому месту.

Шар, висящий над землей, указывал куда стрелять надо



... и камнем

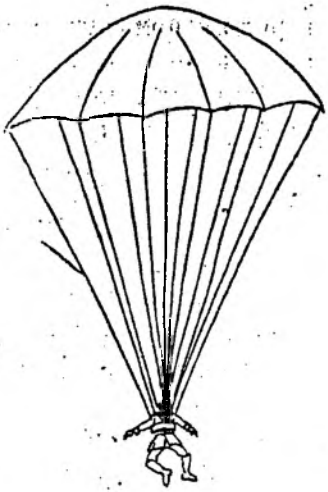
— Смотри, смотри, солдаты бросают оружие. Бегут. Что нам делать? Мы погибли. Ой, - ой! — вон тросс - канат перерубают. Нас хотят пустить в пространство. Готовься! Офицера поправили парашют. Шар задрожал и, как стрела, стал подыматься ввысь.

— Кидайся! — крикнули офицера один другому, и камнем полетели на землю.

А Игнашка с Прокошкой, не понимая, в чем дело, остались в корзине. Шар уносился с неимоверной быстротой. Корзина качалась. Уже не было видно земли, так, словно в тумане, что темнело. Кругом молочная пустота, только солнце видно. А шар все летел и летел.

А. Фролов

(Продолженне следует)



полетели на землю.

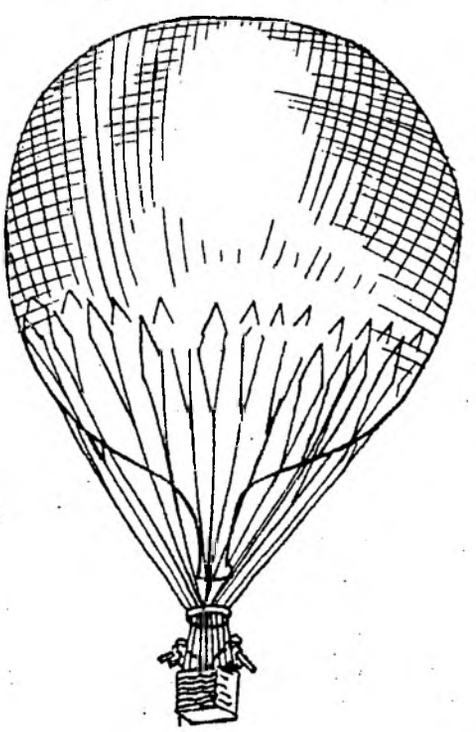
ПОХОЖДЕНИЯ ПРОКОШКИ И ИГНАШКИ

VI. Прилетели на луну

Ничего нельзя уже было разобрать — где земля, где небо; шар поднимался, а, казалось, висел в необхватном просторе молочного света. Кругом такая тишина, какую себе можно представить только в гробу, когда его закопают в землю с живым человеком. Игнашка с Прокошкой не отдавали себе отчета, что с ними случилось: они стояли у борта корзины и смотрели вниз, куда кинулись два офицера; но ни их, ни земли не было видно — плыли одни облака, освещенные солнцем. Они были точно живые горы, над которыми проносились наши ребята.

Пока был день, Игнашка с Прокошкой не замечали, сколь высоко поднялись они от земли. Но вот над головой мальчиков и с боков, словно глаза, зажглись звезды. Шар, должно быть, поднялся так высоко, что звезды были совсем близко — рукой подать.

— Игнашка, — заметил Прокошка,— а ведь мы, пожалуй, на небо летим!



...они стояли у борта корзины и смотрели вниз...

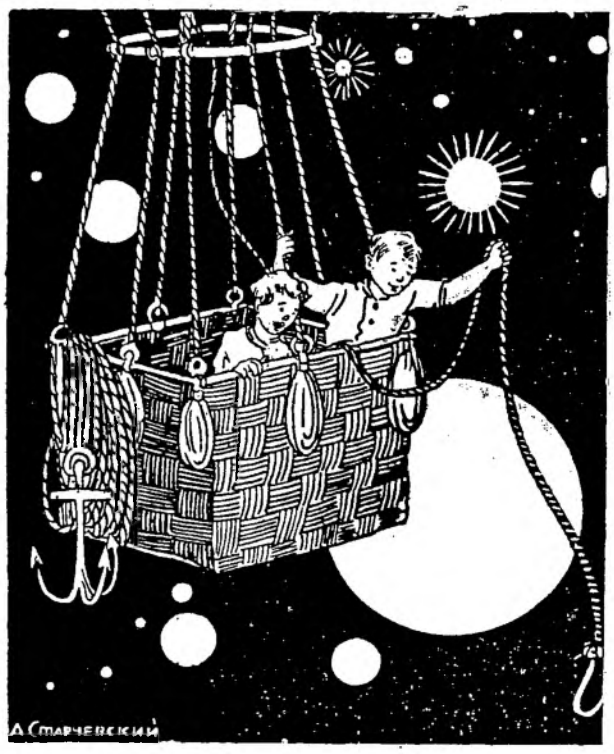
— Так что ж!— как-то уже не по-детски ответил Игнашка.— Долетим — посмотрим. Вот только есть хочется дюже. Знато бы дело, с собой еды взяли.

Корзина покачивалась, шар поднимался — давно скрылись облака. Теперь вокруг ребят был голубой воздух, с вбитыми в нем звездами. Клонило ко сну. От нечего делать, ребята взяли свои шарики в руки. И странно: как только шарики оказались снаружи, шар словно кнутом подстегнул кто: он надулся еще сильнее и понесся ввысь быстрей стрелы.

— Игнашка! — радостно закричал Прокошка, облизывая шарик. — А ну-ка, попробуй ты свой на язык. Воо! Ой-же, как вкусно!

Приятель попробовал языком шарик — и по всему телу разлилось что-то такое, чему не дашь названия. Голод, как рукой, сняло. Стало хорошо и весело. Ребята стали шалить и раскачивать корзинку. Она качалась, словно качели в голубом воздухе.

В корзине были крючки и веревки. Ребята положили шарики в корзину и, расшалившись, задумали крючком на веревке ловить звезды.



задумали крючком на веревке ловить звезды ...

Они летали кругом, как бабочки или как золотые рыбки на дне моря. Шар летел. Корзина покачивалась. Некоторые звезды казались как будто внизу. Голубой воздух темнел. Наступала тьма.

Игнашка заметил:

— Не пролететь бы нам мимо неба, Прокошк. Видишь: звезды-то уж ниже нас стали.

— А не все ли нам теперь равно, куда попадем — ответил Прокошка. — Мне страшно спать хочется. Давай ляжем.

И, свернувшись на дне корзины, ребята крепко уснули ...

Вдруг слышат они, словно стукнулась о что корзина. Ребята вскочили. Глядят — и глазам не верят: тьма кругом, а во тьме огненные шары-звезды, как раскаленные глыбы железа, вертятся, словно большой фейерверк и с такой силой, что поднимают ветер, который так шумит, что ничего не слышно. Шар не то стоит, не то летит, не то вертится в этом хаосе сбесившихся светил. Как опрокинутый Ледовитый океан, висит над крутящимся огненным вихрем звезд — луна. Шар летит. Он миновал вихрь. Все это уже под низом. Вверху простор, опять покой. От луны идет серебристый свет. Она, как мертвец, бледна. Покачивается. Вот — близко. Шар летит прямо на нее.

— Игнашка — кричит Прокошка, — причаливай к луне! Крючком ее цепляй! Стой!

Игнашка зацепил крючком за льдину и притянул корзинку к луне. Шар опустился.

— Ну, Прокошка, вылезай; должно быть это и есть небо — прилетели.

Вышли.

Не окинуть глазом — белый, светящийся снежный простор. Пустыня холодная, без единой черной точки. Ни живой души. Даже возвышенность с розовым отливом верхушки, чуть-чуть виднеющаяся, не оживляет мертвенность, которая окружила попавших на луну

Крючком ее цепляй!

героев. Ребят охватил ужас. Хотелось плакать. Хотелось вернуться домой. Домой!

Они не знали, что на землю с луны никогда еще никто не сваливался. Как ни малы были ребяты, а сообразили, что тут и с ша-

риками пропасть можно. Не говоря ни слова друг другу, они поняли грозящую им опасность и обнялись, как бы прощаясь.

— А теперь, — сказал потом Прокошка, — давай переночуем как-нибудь!

С большим трудом разостлали ребята парусину шара, поставили корзину, накрыли ее со всех сторон парусиной и, забравшись внутрь, крепко уснули. Спасибо шарикам: они имели свойство не только делать детей невидимыми, но еще и согревали их, а то бы они сразу замерзли. Это ребята заметили сразу, как только ступили на луну, поэтому, легши спать, шарики они держали в руках.

Когда они проснулись, то никак не могли определить, что это было на луне — день или утро: какое-то солнце, совсем не похожее на то, что они видели с земли, светило на луну, но не грело.

— Идем, — предложил Прокошка.

сели они в корзинку и сползли с ней

Бросив разбитый шар и корзинку, ребята двинулись по направлению к розовой горе. Хоть бы пылинка какая где, хоть бы птица или зверь лютый — ничего. Бело внизу, сине над головой и сбоку в сини какое-то маленькое красное солнце. Показались горы с розовым отливом, высокие сверкающие, на темной сини. Ребятам пришло в голову забраться на эти горы: посмотреть хотелось оттуда, нет ли чего получше поблизости. Долго шли. Еще дольше взбирались на горы. Наконец, забрались на самую верхушку. Глянули оттуда, а по другую сторону горы — не окинуть глазом, как зеркало чистое, вместо снега, блестела водная пустыня. Гора тут была крутая: не сойти к реке.

— Идем за корзиной, с'едем, — предложил Игнашка.

Ребята вернулись на старое место, переночевали там, а утром, захватив корзинку, снова пустились на гору. Сели они в корзинку; когда на гору пришли, сползли с ней, но не в воду, — пустыня-то оказалась не водная, — а на какой-то лед, не то стекло. Ступили ребята на эту скользкую штуку и чувствуют как будто тепло от стекла.

— Не спроста, Прокошк, на луне пустыня стеклянная; тут чем-то живым пахнет.

— Да стекло ли это?

— И не лед.

— А не все ли равно; идем вперед, а там видно будет!

Ребята положили шарики в карман и, ставши видимыми, двинулись стеклянной пустыней прямо, куда глаза смотрели. За спиной осталась снежная розовая гора, а вокруг, не обнять глазом, простор.

И вдруг — не понять было: не то синь выси на луну упала, не то синь выси в зеркало луны засмотрелась; глядят ребята: под ногами небо луны, под ногами звезды и словно из подвала наружу в окно большое свет льется. Сначала ребята подумали, что они опять на земле и на ней снизу луна светит. Глянули вверх — черно там, а под ногами светят звезды.

— Прокошка, по-моему, под нами что-то есть.

— Я сам так думаю — не живет ли там кто.

— Стучи вниз.

Ребята затопали в стекло ногами, но так как они были босы, из этого ничего не вышло.

— Э-э, стой! — нашелся Игнашка. — Давай-ка, брат, стукнем нашими шариками.

Но кто ж мог это предвидеть? Застучали ребята и сами были не рады. Стекло пустыни треснуло и с такой силой, что все вокруг загрохотало, зашумело, зазвенело, как будто стали ломаться ледяные горы. Свет под ногами моментально погас, кругом стало темно и жутко; из пасти пропасти вырвался огонь, и пропасть зашипела.

— Игнашка, что мы наделали!

Ребята стояли на краю трещины и не знали, что им делать. Продолжать путь дальше им было уже нельзя. Они сели и, держа в руках шарики, стали ждать утра.

А. Фролов

(Продолжение следует)

VII. Внутри луны

Только зарозовела снежная гора и заблестела стеклянная пустыня от лучей маленького солнца, — ребята проснулись, разбуженные небывалым и неслыханным доселе шумом. По пустыне прямо на них летела черная громадная гора, усыпанная белыми пятнами. Она была еще очень далеко, и трудно было понять: не то от быстрого движения, не то еще отчего, вокруг этой горы были тучи белых комьев. И не успели ребята глазом моргнуть, как над пропастью, по всей ее линии, остановились тысячи крылатых машин на полозьях, с горами черного стекла, на котором, как птицы на скале, сидели маленькие люди, одетые в белые, точно резиновые, костюмы, с масками на лице.

Потому что одежда плотно облегала тело, люди казались голыми белыми мальчиками. У плеч людей и на ногах были какие-то шумящие трещотки с распускающимися крыльями. Как только машины остановились у пропасти, все белые люди, из которых одни летели, а другие были на машинах, кинулись осматривать трещину. Потом они, как мотыльки, быстро слетелись в одно место, и один из них, держа в руках какой-то аппарат, начал им передавать приказания. Аппарат говорил, как человек, но на таком непонятном языке, что Игнашка с Прокошкой ничего не могли понять. Но то, что говорилось, было, должно быть, тревожно: выслушав говорившего, маленькие люди быстро разлетелись по всей пустыне и видимо что-то стали искать. Часть из них полетела по направлению к горе. У самого подножья горы спокойно стояла белая корзина, на которой спустились Игнашка с Прокошкой. Как долетели люди до горы, как увидали корзинку, приняли ее за невиданного зверя, испугались, да, очертя голову, кто как и куда — от ней. Их испуг быстро заметили другие. Со всех сторон бросились им на помощь. Все взлетели на высоту — и к горе. Кружатся над корзиной, кричат что-то, а спуститься боятся.

Игнашке с Прокошкой и чудно и смешно.

— Вот чудаки: летать умеют, а корзинки боятся.

Наконец один из них осмелился и колом, как голубь, из артели — раз на корзину. Ничего — стоит корзина, не кусается. Тут все спустились. Обступили корзину — дивятся. Лопочут что-то по-своему. Осторожно так взяли корзину, притащили к своим машинам.

Успокоились. Взялись за дело, по которому приехали. Машины быстро были приведены в движение; они распластали свои полозья, встали над трещиной, и стеклянная масса, что была на них, стала вливаться в трещину и заделывала ее. Сами маленькие люди почти ничего не делали: они только управляли

машинами, а те, проезжая над трещиной, заделывали ее так чисто, что не оставалось никакого следа. Когда вся работа была кончена, они снова слетелись в кучу, и начальник их что-то им сказал аппаратом. В этот момент Игнашка с Прокошкой уловили и поняли одно слово: *луналиты*.

Да, это были жители луны — луналиты. После собрания они быстро разместились на своих машинах, положили на одну из них корзину, и едва Игнашка с Прокошкой успели сесть в нее, как машины сорвались с места и понеслись пустыней, аж у наших ребят в ушах зазвенело. Спасибо шарикам красным, а то бы лицо и тело Игнашки с Прокошкой морозом сожгло. Мчатся. Черно вверху. За спиной свисла гора, впереди — темнеющая стеклянная пустыня. Около машин также быстро летели одиночки. Вдруг все они, как пчелы, осыпали машины, машины на ходу выпустили снизу какие-то щиты, щиты со всех сторон закрыли машины, и все очутились словно в какой коробке. Никому ничего не было уже видно.

... как голубь, из артели, раз на корзину

— Люнолизю! — раздался резкий крик одного из руководителей. Маленькие люди ухватились руками, кто за что мог. Сильный толчок, словно машины влетели в запертые ворота; потом гробовая тишина, покачивание, машины откинули с боков свои щиты, и Прокошка с Игнашкой увидели, что они летят над какой-то землей. Одиночки луналиты спорхнули с машин и, как белые птицы, полетели рядом. Летели над чем-то высоко; внизу, как разлитое молоко, белый свет; спускались ниже — ни очертаний города, ни зданий. Свет стал раскалываться на маленькие солнца, в пролетах черные пятна, ленты прозрачной воды, в роде в речках. Солнца ярче, темные пятна четче, теплее воздух. Уже ясно видно, что над лесами летят, над озерами, но нигде никакого жилья. Скользят машины почти по земле, ныряют, как вальдшнепы, в аллеях леса.

Сели около большого озера, окруженного деревьями. Луналиты сняли с лиц маски и стали раздеваться.

О-о, какие это были красивые люди! Маленького роста, как пятилетние мальчики, они, видимо, были энергичные и сильные. Их тела, голые, белые до прозрачности, отличались гибкостью, и в то же время были упруги, как резина. Чистые лица, без растительности, говорили за то, что все они мужчины. Теперь слышен был их говор, певучий такой, нисколько не похожий на говор людей земли.

Сняв с себя белые костюмы, луналиты оделись в яркие цветные набедренники, на плечи они накинули какие-то крылатки, распускающиеся, как крылья, они даже их пробовали, взмахивая ими. Золотистые, как солома, волосы на голове ничем не прикрывались.

Когда все они оделись, крылья летательных машин сомкнулись, и они напоминали в таком виде нечто в роде овального большого яйца. Никем не управляемые, машины поползли к озеру и через минуту скрылись под водой.

Игнашка с Прокошкой едва успели выпрыгнуть из корзины. Корзина была подхвачена двумя луналитами и все они, сверкая яркими набедренниками, распустили свои крылатки-крылья и улетели.

Игнашка с Прокошкой остались на берегу озера и долго смотрели в ту сторону, куда полетели эти маленькие красивые и нарядные люди.

— Ну, Прокошк, у нас с тобой хороши шарики, а у них, брат, дело не хуже нашего: летают.

— Я думаю, полетим и мы — только бы узнать, как это у них и где они живут.

Ничего не оставалось Игнашке с Прокошкой, как пойти в направлении, куда полетели луналиты. Перед ними было два пути: полем чистым и лесом. И в поле и в лесу светились огоньки, указывающие куда-то дорогу. Наступила ночь куда темнее земной ночи кругом ничего не видно.

Огоньки в лесу и огоньки в поле не светили, а словно брызгали светом, и свет лежал длинной полосой, как луч прожектора, теряясь где-то далеко-далеко; было немного душно, точно перед грозой, и парило. Хотелось ветерка.

— Я бы сейчас никуда не пошел, — сказал Прокошка. — Давай заночуем вот тут, около озера, а завтра видно будет. Все равно этих леших не догонишь.

— Пойдем.

Ребята сели на траву, на опушке леса, недалеко от озера и собрались было закусить. Есть хотелось страшно, но в их распоряжении ничего не было, кроме шариков.

— И в дурацкий же край мы попали! — рассерженно произнес Игнашка. — Хоть бы где какое жилье.

... и долго смотрели в ту сторону, куда полетели эти маленькие красивые и нарядные люди

— Может быть, и есть где, да не видно сейчас — темно. Живут же где-нибудь эти летуны.

Огоньки вдруг погасли и стала черная темень. Ребята уснули.

Спалось крепко на открытом воздухе. Не то во сне, не то наяву подходил к ним какой-то человек и спрашивал: — Игнашка и Прокошка, куда вы попали? Вернее, это им снилось, потому что, когда они проснулись, около никого не было. Перед глазами открылось чудо. Где они? Вместо голубого неба, что-то в роде стеклянного белого потолка. Он, как сплошное солнце, только не огненное и не красное, а белое, как серебро, раскинулся над ними и поливал все таким светом, что был яркий белый солнечный день.

— Во так небо! — произнес Прокошка, указывая пальцем вверх. — Его рукой достать можно.

— А смотри, деревья какие! — ахнул Игнашка. — Лопухи на них, а не листья.

Деревья были с розовой корой и с зелеными листьями, похожими на слоновьи уши. Ветерок был очень слабый, и они еле покачивались, тихо звеня, словно металлические. В лесу, в темной густоте, виднелись кусты мелких растений, увешенные цветами всех красок: белые, желтые, синие, голубые, оранжевые, черные, золотистые и матовые. Попадались цветы больше человеческой головы и цветы меньше булавочной головки, которые светились, как огоньки. Пахло так, что, без привычки, кружилась голова. Но что больше всего поразило ребят — это трава, тонкая, как волос, и такая зеленая, словно она только что выросла. Ею была покрыта вся земля, и земля — не черная, не рыжая, а пепельная, мягкая, как песок. Всюду трава, леса, озера, зеленая, в белом солнце утопающая равнина и много-много птиц. Они пели и кричали всеми голосами, на все лады и были, как цветы; разных цветов и разной величины. Таких птиц ребята никогда не видели: они были красивее попугая, красивее павлинов и ручные, как куры.

Игнашка с Прокошкой так увлеклись виденным, что забыли про свои шарики и стояли видимыми. Птицы ходили около них, садились им на голову и даже пробовали щипать их за волосы.

Одна, вся красная, большая птица, с черным клювом и зелеными глазами, роста побольше гуся, с золотистым хвостом трубою, подошла к ним вплотную и, с любопытством оглядывая ребят, прямо их удивила.

— Я с земли! Я с земли! — человеческим голосом закричала она.

— Слушай ты, голубушка, — обратился тогда к ней Прокошка, — скажи, пожалуйста, где бы нам ваших людей тут найти?

— Я с земли! Я с земли! — снова закричала она, ничего не понимая и больше ничего не умея выговорить.

— Брось ты ее к шуту, — сказал Игнашка, заметив нечто в роде яблок. — Пойдем вон яблоки рвать. Местами росли деревья, имевшие листья, напоминающие белые ленты, и плоды в кулак, цвета апельсина и формы гриба подберезника.

— А ну-ка, рви, Прокошк: это по нашей части.

Прокошка забрался на дерево, сорвал несколько штук плодов и бросил их Игнашке.

— Да-а, вот это яблоки! — с восхищением произнес Игнашка, улепетывая за обе щеки:— Как мед!

— Теперь, друг, не пропаде... — весело, было, начал Прокошка, но оборвался на полуслове и яблоком свалился с дерева. — Игнашка, бегим — медведи!

Лесом, не спеша, шло целое стадо каких-то зверей, очень похожих на медведей, но не медведи. Они были большого роста, с коричневой лохматой шерстью и с хвостами, как у лошади; морды их были круглые, как шар, с глазами, словно горящий уголь. Из маленького рта торчали у всех длинные красные языки. Старые звери шли спокойно, малыши бегали, резвились, играли. Несмотря на то, что Игнашка с Прокошкой были видны зверям, они прошли к озеру, не обращая на них внимания.

Ребята успокоились. Но конца неожиданностям в это утро не было. Только что они вышли из лесу, видят издалека, словно камни брошенные, прямо к озеру летят два луналита.

— Прокошка, тсс! — тсыкнул Игнашка, хватая его за руку.

Легли на землю. Шарики в руки. Ползут невидимо на опушку.

Луналиты сели на землю — стали. Хлопая крыльями, к ним подбежала красная птица и радостно закричала:

— Я с земли! Я с земли!

— Знаем, знаем,— ласково, языком Игнашки с Прокошкой, ответили луналиты, поглаживая птицу. Больше этих слов они, должно быть, не знали, потому что стали лопотать по-своему. Не боясь зверей, луналиты прошли к озеру. Туда сошлось для питья много зверей, слетелась масса птиц, степью к озеру бежали красивые лошади, рогатые олени, козы и еще какие-то, доселе неизвестные, животные. Озеро было велико, озеро было чисто. Луналиты подошли к берегу, поискали там что-то в траве — и откуда вдруг что взялось: солнце брызжет светло, ярко, вверху ни туч, ни неба,

— Я с земли! Я с земли!

а над лесом, над лугом, над всей степью зеленой хлынул такой дождь, что минуты не прошло, как Игнашка с Прокошкой были мокрые.

— Вот это ловко искупали! — произнес Игнашка, зорко следя за тем, что делали луналиты. А луналиты, пока шел дождь, поснимали с себя свои костюмчики — и в озеро.

Купаются, резвятся, играют, как рыбки, и не подозревают того, что Игнашка с Прокошкой замыслили. Ползком, ползком, к берегу, цап одежду луналитов — и в лес.

— Ну, милые, — говорит Игнашка, — теперь вы не улетите. Шалишь. Примеряй-ка, Прокошк, попробуем, полетим мы в их одежде или нет.

— Давай!

Одели. Пригнули. Руками замахали. Тпрр — не летит дело. Болтаются луналитские юбчонки, шелестят, а толку никакого.

— Знаешь что,—предложил тогда Игнашка: давай их самих сейчас поймаем да расспросим, где они живут и как летают?

— А что же? давай!

Сговорившись о плане наступления, ребята пошли к берегу и стали ждать. Только луналиты из воды, — это были красивые две девочки, — у Игнашки с Прокошкой при виде их руки опустились. Сил не хватило броситься на девочек. Стоят смотрят на них.. А те, заметив, что на берегу нет их одежды, залопотали что-то по-своему и заметались...

А. Фролов

(Продолжение следует)

VIII. Кто кого перехитрил

И не хотели, было, ребята девочек захватить, но обстоятельства заставили. Луналитки если и растерялись первое время, то не потому, что им лететь не на чем, а потому, что случаев еще не было, чтобы на луне кто-нибудь воровством занимался. Их удивила пропажа.

Оправившись, Игнашка с Прокошкой увидели, что луналитки подошли к дереву и... оказалось, хотели позвонить по телефону, чтобы, значит, им прислали летательные юбочки.

Тогда Прокошка говорит Игнашке:

— Как, друг, не финти, а нам их не миновать арестовать.

— Я и сам так думаю — ответил Игнашка — Эдак они сейчас опять получат крылышки и фьють! — свистнул он, — ищи ветра в поле.

— Так как же?

— Надо действовать. Ты кидайся на одну, я на другую. В охапку обеих и — каля-маля, девочки, где вы тут живете, и все такое.

— Значит, решаем... Только, вот, какую ты схватишь и какую я? Мне вон та с звездовыми глазами нравится, а ты хватай серебристую. Идет?

— Идет.

Только, было, серебристая луналитка хотела что-то в телефон сказать, Игнашка с Прокошкой в своем натуральном виде как выскочат, — да прямо на них. Те так и присели: бери без сопротивления. Даже не крикнули, лишь лица руками закрыли.

— Эх, вы, трусишки! — победоносно сказал им Прокошка.— Не бойтесь нас.

Залопотали обе, а рук от лица не принимают. Дрожат, как в лихорадке.

— Слушайте, девочки,— обратился тогда к ним Игнашка, отводя от их лиц руки.— Мы же вам ничего худого не сделаем. Мы с земли... Скажите, где вы тут живете?

— Каля, маля, таля, валя — залопотали обе, с ужасом глядя на Игнашку с Прокошкой, которые, по сравнению с маленькими луналитками, были настоящие великаны.

— Ни черта у них не поймешь, что они лопочут... курду, бурду, — шуры, мурлы — попробовал, было, заговорить Прокошка, рассчитывая на то, авось его поймут. Мысль была та, что, дескать, укажите нам путь, где же все-таки ваше жилье.

Игнашка это же самое стал об'яснять им руками, а ногами топал о землю и доказывал, что они снизу, с земли, прилетели на луну.

— Вы понимаете, мы с земли, оттуда — указывал он на пол.

— Я с земли, я с земли — выговорили обе, как та красная птица.

— Стой, Игнашка, дело идет на лад! Заговорили.

— Мы с земли! Мы с земли! — кричали Игнашка с Прокошкой.

Те — опять:

— Я с земли, я с земли.

— Брось ты, Прокоша, это дело. Неси лучше их юбчонки, авось они тогда будут поласковей.

Прокошка принес их юбочки. Обрадовались. Ручки протянули.

— Ээ, девочки, это уж дудки, — погрозил он им пальцем. — Вперед покажите, как это на них летают... а уж потом... — и он жестами стал их спрашивать, как надо обращаться с их юбками, чтобы можно было летать.

Серебристая луналитка, должно быть, поняла, что хочет Прокошка и стала еще настойчивей протягивать ручки: дескать, давай, я покажу.

— А не удерешь? — сказал он ей, указывая рукою вверх.

Засмеялась хитро и замотала своей хорошенькой маленькой головкой.

— Ну, как думаешь, Игнашка: дать ей юбку али нет?

— Дай, только смотри в оба, чтобы того... не улетела.

Луналитка оправилась от испуга и, видя, что эти невиданные ими доселе существа плохого им ничего не делают, улыбнулась

— Прокошка, держи!

и стала надевать юбочку. Надев ее, она побежала к берегу озера, куда бросился за нею и Прокошка, думая, что она уже удирает. Вот тут-то Прокошка с Игнашкой и догадались, в чем дело, и почему они не сумели летать. Оказывается, юбчонки-то луналиток они забрали, а крылышки-аппараты для ног не заметили. Когда серебристая луналитка

— Игнашка, держи! — крикнул он, барахтаясь ногами в воздухе.

взяла эти крылышки и подвязала их к своим ногам, то... Игнашка крикнул:

— Прокошка, держи!

Прокошка схватил луналитку за ногу, но та нажала какую-то кнопку в аппарате: крылышки заверещали, юбочка надулась, и Прокошка, держась за ногу луналитки, поднялся кверху.

— Игнашка, держи! — крикнул он, барахтаясь ногами в воздухе. — Тпру! — кричал он на луналитку, дергая ее за ногу. — Тпру, говорю, а то оторву ногу!

Луналитка с звездовыми глазами, видя, как Прокошка барахтается в воздухе, от души смеялась. А серебристая луналитка, не обращая внимания на крики Прокошки, поднималась все выше и улетала все дальше.

Тогда Игнашка, видя, что товарища уносит луналитка, быстро накинул на себя юбчонку, подвязал к ногам крылья и, к удивлению самого себя, поднялся от земли.

— Стой! — закричал он, пускаясь вдогонку. Летя, он размахивал руками и балансировал ногами и тут же заметил, что, делая так, он дает себе направление, какое ему хочется.

— Ага,—подумал он,— так вот, в чем тут дело! Подожди ж ты!

Только было хотел он нападать на-лету, в это время оставшаяся внизу луналитка шасть опять к телефону. Игнашка, заметив это, колом на землю и цоп ее в охапку и с собой кверху. Серебристая луналитка видя, что ее догоняет Игнашка, стала трясти ногой, чтобы сбросить прицепившегося Прокошку. Тот понял ее маневр и свободной рукой поймал ее за вторую ногу. Стиснул крепко, дескать: шалишь, милая. Луналитка, потеряв возможность балансировать ногами, не могла уже дать лету желательное направление и полетела тише. А Игнашка все нагонял и нагонял. Близко уже. Поровнялся. Схватил луналитку за руку и все четверо опустились вниз.

... и оба друга взвились над полем

— Так вы вот тут какие! — начал Прокошка, обращаясь к серебристой луналитке.— А ну-ка, раздевайся!

Надев на себя ее юбчонку, он подвязал к ногам крылья, и оба друга взвились над полем. Думалось, что без их помощи луналитки теперь не обойдутся. Каково же было их удивление, когда звездоокая луналитка как свистнет, так что по полю ветер загулял; глядят ребята: полем чистым на ее свист целое стадо белых коней примчалось. Сели на двух из них луналитки, и все стадо кинулось полем и вскоре скрылось из виду.

— Вот это штучки, — заметил Игнашка.

— Вали, теперь нам не страшно.

Ребята летели низко над степью, решив найти жилье луналитов.

А. Фролов

(Продолжение следует)

IX. Все-таки добрались до жилья

Летят наши ребята, балуясь по воздуху, а внизу пока только ковер зеленый, озера, леса и никакого жилья — одни звери да птицы бегают. Равнина столь гладкая, что нигде бугорка не видно. На второй день заметили они большой величины памятник в поле. Видят: стоит каменный человек, очень похожий на земного — спустились. На памятнике надпись по-земному; Игнашка с Прокошкой хоть одну зиму, но учились; читают по складам:

> Когда луна стала остывать и жизнь на поверхности прекращалась, луналиты гибли и могли бы совсем погибнуть — этот человек-луналит первый подал мысль организовать жизнь внутри луны. Его считали сумасшедшим, ему не верили, что можно жить внутри луны, но прошли века, очень много погибло луналитов, потому что сразу не поверили своему герою, и все-таки жизнь заставила луналитов уйти с поверхности луны в ее нутро и тут организовать красивую, хорошую жизнь.

— Ты, понимаешь, Игнашк, в чем тут дело-то теперь! Луна когда-то, видно, горячая была, как печка, и люди на ней жили, а как, значит, захолодало на ней, они, значит, и полезли к ней в пузо. А этот, значит, первый дорогу указал.

Памятник был очень большой, из белого металла, очень похожего на серебро. Он представлял вид человека во весь рост, упершегося ногой в лопату, уходящую в землю. Его сильное тело было напряжено: видимо, трудно было работать одному. А вокруг него стояли люди поменьше и вместо того, чтобы помочь ему,— посмеивались.

В этом месте ребят застала темь. Они устали и им хотелось спать.

— Раз есть памятник, значит, где-нибудь и жилье близко — сказал Прокошка.— Давай заночуем тут.

У ног памятника ребята и уснули. Спят.

С трудом добравшись до своих, луналитки рассказали о том, что в их земле появились два великана-чудища, которые чуть-чуть их не погубили. Звездоокая луналитка — звали ее Зелентуя — была дочь знатока всех планет и их жителей, а Линегура была дочь главного распорядителя по охране стеклянного неба. Когда они услыхали рассказы своих дочерей, то немедленно дали знать охране, чтобы они приняли меры к отысканию чудовищ и их уничтожению. Не верить своим дочерям старые луналиты не могли, потому что в луне и понятия не имели о неправде; кроме того,

знаток всех планет, изучая корзину Прокошки с Игнашкой, на которой они прилетели, тогда же определил, что она упала с другой планеты, разбила тогда им небо, и что теперешние чудища, появившиеся в их луне, того же происхождения, что корзина, и проникли в луну в тот момент, когда в стеклянном небе была трещина.

Сообщение было столь серьезно, что все встревожились, и в то же время было любопытно. Линегура сказала, что великаны хоть и очень велики, но не страшны, а даже красивы и, видно, молодые. Подтвердила это и Зелентуя, смягчив тем самым первое сообщение. Решено было поймать великанов живьем, но если бы оказалось, что нужны серьезные меры, то...

У ног памятника ребята и уснули

Собралось несметное количество войск—охраны неба. Несмотря на то, что луналиты отправлялись на борьбу и, кто знает, может быть, многим из них грозила смерть, они все-таки шли бодро, смело и охотно. Среди луналитов не было трусов—луналиты не знали страха.

Вооружившись маленькими кольцами, войско взвилось кверху и полетело. Зелентуя и Линегура летели впереди охраны неба, указывая путь к тому месту, где они встретили Игнашку с Прокошкой. Летят. А ночь темная—нарочно было приказано свет погасить везде. Летят молча, только крыльями шелестят. Подлетели к озеру, покружились, осмотрели все кругом — нет. Позвонили куда-то, и вдруг все пространство неба красным заревом полыхнуло. Между небом и землей ни одной точки, указывающей на то, что великаны летят. Луналиты понеслись над лесом. Лес обыскали. Нет. Вдарились к памятнику и... закружились над ним пораженные.

У самых ног героя-луналита, на золотых ступенях во весь рост лежали, видимо, Игнашка и Прокошка. Они так крепко спали, что ничего не слышали, что вверху делается.

— Они! — крикнула Зелентуя.

Игнашка проснулся. Приподнял немного голову, слышит—верещат вверху крыльями. А темно. Взглянул вверх—ничего не видно.

— Прокошка,— толкнул он друга,— вставай, брат, дело неладно. Нас должно быть поймать хотят.

— Кто, что?— спросил Прокошка, как следует еще не проснувшись и не понимая, где он.

В это время, словно дождь, посыпались на них кольца. Ребята вскочили. Чувствуют, что их, как паутиной муху, опутывают кольца; они летят на них, распускаются и запутывают, запутывают по рукам и ногам. И спрятаться нельзя — сверху их освещают.

— Игнашка, бери скорей шарики в руки — скомандовал Прокошка.

С большим трудом высвободивши руки, взяли ребята шарики и моментально исчезли из глаз луналитов. Один момент порвали они паутину, освободились и взлетели на воздух.

— Стреляй! — обозлился Игнашка.

Отнятыми когда-то у городовых револьверами ребята дали залп и... потому что воздух внутри луны был несколько иной, чем на земле, огонь от выстрела дал пламя, гул выстрела громом прокатился под хрустальным небом и с такой силой, словно что обвалилось вблизи. Прокошка с Игнашкой испугались, а луналиты, никогда не видевшие ничего

подобного у себя, в безумном страхе попадали замертво.

Игнашка с Прокошкой, оправившись от испуга, спустились вниз и, чтобы обессилить охрану неба, стали у всех у них отбирать кольца. Луналиты лежали, не шевелясь, целое поле. Вдруг Игнашка крикнул:

— Прокошка, вон та девочка, что у озера мы поймали. Иди скорее.

— А у меня другая — ответил ему с другого конца Прокошка.

— Заберем их да летим дальше— предложил Игнашка.

— Идет.

Еле живых от страха захватили ребята Зелентую и Линегуру — да скорее ввысь.

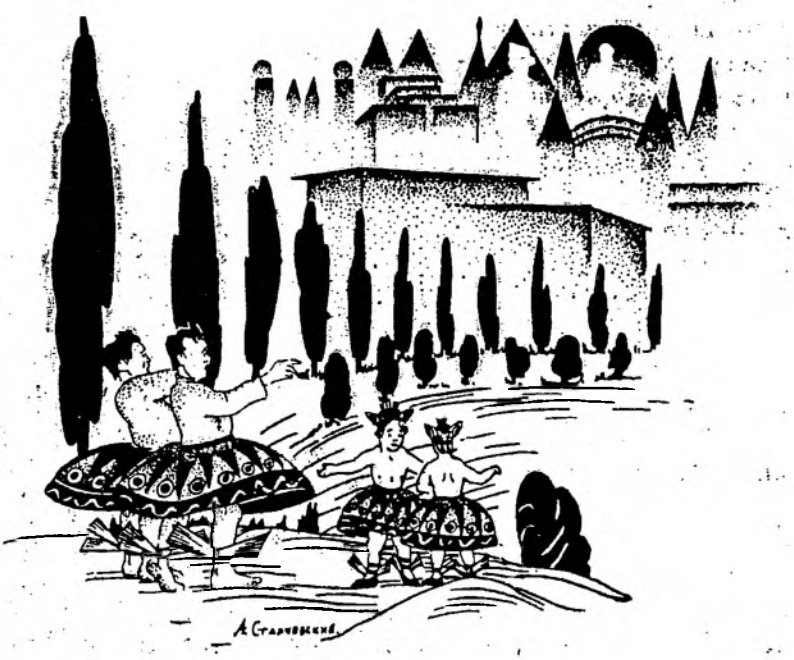
Птицы стали просыпаться. Пронеслись степью белые лошади, красных птиц стадо прошло; с хрустального неба бледный утренний свет упал. Игнашка с Прокошкой летели быстро, унося с собой луналиток.

Степь как будто начала кончаться. Вдали показался большой сад, выше деревьев выглядывали шпицы, башни и статуи людей.

— Игнашка,— обрадовался Прокошка,—кажись, город. Затрепетали и луналитки в их руках при виде этого места.

В саду-парке с аллеями вместо улиц, в тени волосатых деревьев с корой всех цветов, стояли, словно игрушки, маленькие беседки, увитые настоящими цветами, отчего беседки казались букетами, брошенными в саду.

Игнашка с Прокошкой спустились неподалеку от города на площадке и сделали совещание, как им вступить в город: вместе с луналитками или одним, видимо или невидимо? После недолгого обсуждения, решено было Зелентую и Линегуру отпустить. Но прежде, чем это сделать, они еще раз попробовали с ними разговориться, думая узнать от них, куда это они попали. Событие у памятника и уже вторая встреча луналиток с нашими ребятами немножко уменьшили страх луналиток. Видя, что Игнашка с Прокошкой плохого им ничего не делают и сами они не только не страшны, а, наоборот, даже красивы — и в самом деле Прокошка с Игнашкой ребята были хоть куда: ни курносые, ни конопатые, ни рыжие — луналитки, разглядев их как следует, приняли их теперь не за чудовищ, а за особые существа в роде богов, о которых они слышали в школе от историка подлунного мира Лунапрозы, передававшего им, что когда-то очень и очень давно предки луналитов жили на поверхности луны, где теперь хрустальное небо, и верили, что над ним были невидимые существа — боги.



Ребята указали им рукой на город

Луналитки знали, что боги это сказка, но при виде живых необычайных людей, как Прокошка с Игнашкой, посылающих огонь, гром и умеющих быть невидимыми, они их приняли теперь за богов. Они стали улыбаться им и, когда Игнашка с Прокошкой заговорили с ними, Линегура достала маленькую книжечку и подала ее Игнашке,— ей больше нравился он. Игнашка взял книжечку, повертел ее в руках и положил к себе в карман. Прокошка силился об'ясниться с Зелентуей, но оба смеялись и ничего друг у друга не понимали. Люди земли сдружились с людьми луны. Ребята указали им рукой на город — дескать, идите себе на все четыре стороны. Луналитки ушли пешком и все время оглядывались. В городе еще ничего не знали о случившемся и в нем было тихо, как на даче ранним утром.

А. Фролов

(Продолжение следует)

ПОХОЖДЕНИЯ ПРОКОШКИ И ИГНАШКИ

X. Тревога среди луналитов

О том, что произошло у белого памятника, стало известно всем луналитам в городе. Охрана неба сообщила, что в их земле появились существа, которым они не могут даже дать названия. Существа эти изрыгают огонь, делаются невидимыми, а когда видимы, они большого роста и в странной одежде. Луналиты удивились и сразу не могли ничего придумать для предотвращения несчастья. Они даже не знали, в чем оно будет заключаться. Многие интересовались характером этих животных. Обстоятельное об'яснение дал Лунопроз, отец Зелентуи. Когда девочки оставили у города Прокошку с Игнашкой и пришли домой, — их отцы страшно удивились, что дочери, отправившись с охраной неба, вернулись одни. В луне не бывало случаев, чтобы с серьезного дела луналиты возвращались в одиночестве: или все, или ни одного.

— Что случилось? — вскрикнул Лунопроз, увидя дочь. То же самое произошло в доме Линегуры. Девочки рассказали отцам, что произошло у белого столба, как всю охрану неба осветил огонь, как раздался оглушительный гром и разгневанные существа пропали.

— Так это боги! — вскрикнул Лунопроз, выслушав свою дочь. Он немедля дал знать отцу Линегуры, начальнику охраны неба Светловилу, чтобы тот немедленно прилетел к нему вместе с дочерью.

— Каковы они из себя? — спрашивал Светловил свою дочь.

Линегура рассказала, какой вид имели Прокошка и Игнашка и добавила, что, если, должно быть, не раздражать новых животных — они добрые.

— Это боги! боги! — уже более уверенно сказал Лунопроз, когда они сошлись все вместе. — Где вы их оставили?

— Они в тридцати пяти вздохах от города, — ответила Линегура. — Когда мы уходили, они нам улыбались.

— А где охрана неба? — спросил Светловил. — Она погибла? Не послать ли нам машину Воскресения?

Не успели девочки дать раз'яснение, как в город влетел отряд охраны неба. Молодой луналит Машинопрос доложил о том, что всему внутрилунному миру грозит опасность.

— Что-то небывалое, необ'яснимое появилось у нас, — сказал он. — Надо немедленно оповестить всю луну, чтобы принять меры к охране.

— Это боги, боги, — шептал Лунопроз, все больше и больше убеждаясь из рассказа участников охраны неба.

— Не выставить ли нам против них машину Смерти? — предложил Светловил.

— Бесполезно, — сказал Лунопроз: — боги, как и мы, бессмертны. Слышишь, они даже невидимы.

— Я предлагаю не волноваться, — вмешалась Линегура. — Разрешите мне с Зелентуей переговорить с богами, чтобы они не гневались на нас. Как жаль только, что мы не знаем языка богов.

— Я знаю, — выступил Машинопрос. —Твой отец когда-то учил меня языку земной птицы, что поет: „я с земли, я с земли"; язык новых животных-богов напоминает мне язык древнейших наших предков-луналитов, когда они жили еще на поверхности луны. И если это, в самом деле, земные боги, мы с ними сговоримся.

— Я помогу вам в этом, — сказал Лунопроз, хорошо знавший все языки.

— Оповещать ли луну о том, что у нас происходит? — спросил Светловил.

— Не надо. Идемте навстречу богам.

Игнашка с Прокошкой сидели у куста черных роз и думали о земле.

— Что ж нам теперь делать? — задал вопрос Игнашка.

— Что делать? Разузнать толком, как мы попали сюда и махнуть на ихних крыльях обратно на землю. Как ни хорошо на небе (Прокошке думалось, что они попали на небо), а на земле куда веселей. — Он сорвал лепесток черной розы и нюхнул.

— Вот это пахнет...—удивился он, поднося листок к носу Игнашки.— На-ка, нюхни!— Тот нюхнул, и обоим вдруг сильно захотелось спать. Вот хочется спать, да и только. Так и слипаются глаза, словно ночью. Оба сразу это заметили и удивились. Игнашка сказал:

— Это не сонная ли роза?

Прокошка ничего не ответил: он уже спал. Немного погодя крепко уснул и Игнашка.

В это время к ним тихо подошли Линегура, Лунопроз, Светловил, Зелентуя и Машинопрос. Кружась, как птицы, носился над ними отряд охраны неба. Рассыпалось лучами белое солнце, пели птицы, кричали звери, пахла земля травою, душили все цветы.

Молодой Машинопрос, увидя Игнашку с Прокошкой спящими, хотел было броситься на них. Его остановил старик Лунопроз.

— Не тронь,—это боги! Только боги могут заснуть от черных роз. Какое сходство их лиц с тем, что написано в книге мудрости. Теперь я не сомневаюсь, что это боги!

— Не надо нам богов!—вскричал Машинопрос. — В Машину Смерти их! Я знаю по книге мудрости, что там, где были боги, много несчастья. Наши предки насилу избавились от богов.

— Молодой Машинопрос!—спокойно заметил ему Светловил. — Нам никакие боги не страшны. — Мы бессмертны. Я предлагаю перенести их в наш Край Радости и, когда они проснутся, спросить у них, как они к нам попали и зачем.

— Какие они красивые!—шепнула Линегура Зелентуе.

Немного погодя уснул и Игнашка

Игнашку с Прокошкой, с большими предосторожностями, луналиты взяли на-руки и перенесли в Край Радости; Лунопроз об'яснял, что, раз боги уснули от черных роз, теперь они уже безвредны.

Положив Прокошку с Игнашкой в зал отдыха, луналиты улетели, не приставив даже стражи. Край Радости был просто остров, окруженный кольцом прозрачной реки, с большим озером посередине. На ленте земли росли деревья с зонтообразными листьями, на которых смело бы могуместиться автомобиль с шофером. Были деревья с бисерными листьями, деревья в ленточку, деревья, как зеленые волосы, лопухообразные с узорчатыми стволами, деревья, словно искусственно раскрашенные художником. Что был за лесник, их насадивший! Они были и маленькие и большие, но одинаково свежие, точно только что овесененные. Над островом висело хрустальное небо, сквозь которое было видно надлунное небо, голубое, с облаками и солнцем. Солнце посылало тепло. Озеро шумело крыльями водяной птицы, кричало голосами. А на середине озера, вылезая из воды, стояла черная фигура человека с венком на голове. Фигура была столь велика, что касалась головой хрустального неба и точно его поддерживала.

... Вылезая из воды, стояла черная фигура человека с венком на голове

Когда Игнашка с Прокошкой проснулись, они были страшно удивлены перемене места. В зале отдыха никого, кроме них, не было. Ребята сразу догадались, что с ними, благодаря запаху черных роз, что-то случилось. Первою их мыслью было: целы ли шарики. Целы. Оба обрадовались. Но крылья луналиты у них отобрали. Они вышли из зала отдыха. Незнакомая красивая местность: озеро, гроты, беседки, скалы, много статуй известных луналитов, цветы, солнце.

Игнашка не вытерпел.

— Как здесь хорошо!

В лесу гуляло много зверей, на озере купалась птица.

Оставив Прокошку с Игнашкой в Краю Радости, Лунопроз предложил луналитам сообщить о появлении богов в луне всему внутрилунному миру. Это событие он считал чрезвычайно важным. Из Края Радости он отправился на Скалу Науки и в хранилище книг достал одну, очень ветхую, и стал читать. В книге было сказано, что когда-то не в луне, а на луне жили люди, которые стремились стать богами, но погибли вследствие остывания луны. Люди того времени (по описанию в книге) были очень похожи на Игнашку с Прокошкой (так думалось Лунопрозу) и тут же было примечание в книге, что такие существа есть еще на Земле, которая отстоит от луны на расстояние 51800 миль. Язык лю-

дей земли очень похож на язык красной птицы с напевом: „я с земли, я с земли".

До сих пор с луны еще никто не сваливался на землю, но ученые луны знали, что на Земле делается. Была даже попытка отправить на Землю экспедицию, для чего имелся особо устроенный аппарат, но путь был настолько неизвестен, что луналиты от этой попытки до поры до времени отказались.

Когда же появились в луне Прокошка с Игнашкой, Лунопроз заметил, что боги земли помогут изучить путь, лежащий между Луной и Землей.

— Лунопроз, — сказали ему луналиты. — Боги ли это? Поверхность нашей луны изучена плохо и, может быть, те, кого ты принимаешь за богов Земли, есть наши предки, сохранившиеся на каком-нибудь неведомом клочке луны.

Тогда выступил вперед престарелый луналит, знаток всех планет, и сказал:

— Луналиты. Я боялся преждевременно сообщить вам о том, что недавно видел я в зеркале Вселенной. Незадолго, как треснуло наше небо, мы лежали в долине Вулканов. По точкам на живой пластинке мы заметили, что на одной из планет что-то происходит. Мы поглядели в зеркало Вселенной и заметили, что на одном участке Земли какое-то странное движение, потом оттуда отделилась точка и полетела прямо по направлению к нашей луне. Вихри звезд помешали дальнейшему наблюдению, точка потерялась из виду, и мы подумали, что она погибла. Но время падения точки с Земли и треска нашего неба подтверждают мысль, что виденная нами точка есть не что иное, как отлет с Земли богов, которые добрались до нас благополучно. Нам остается теперь только переговорить с ними и спросить, так ли это?

А. Фролов

(Продолжение следует)

ПОХОЖДЕНИЯ ПРОКОШКИ И ИГНАШКИ

XI. Об'яснились

Над Краем Радости раздалась вдруг неслыханная музыка колокольчиков. Казалось — звонили трава, вода, цветы и деревья. Птицы, звери — все пришло в неописуемую радость: птицы радостно хлопали крыльями, звери, играя, забегали друг за другом. Прокошка с Игнашкой удивились. Они сидели на берегу озера и играли с маленьким смешным слоном. И вдруг они заметили, что со всех сторон летят на них луналиты. Как ни привыкли к ним Игнашка с Прокошкой, но хорошего от них уже не ждали. Они моментально взяли в руки шарики и стали невидимы. Луналиты опустились на берегу озера и стали оживленно о чем-то разговаривать. Вдали показалась еще одна группа луналитов: это были Лунопроз, Светловил, Линегура, Зелентуя и Машинопрос. Их окружал отряд охраны неба. При виде их все луналиты издали радостный крик; из озера вынырнули блестящие большие рыбы — это был странный оркестр музыкантов, который заиграл марш луналитов: „Лунный секрет". Луналиты сорвались с берега и стройными лентами закружились вокруг черной статуи.

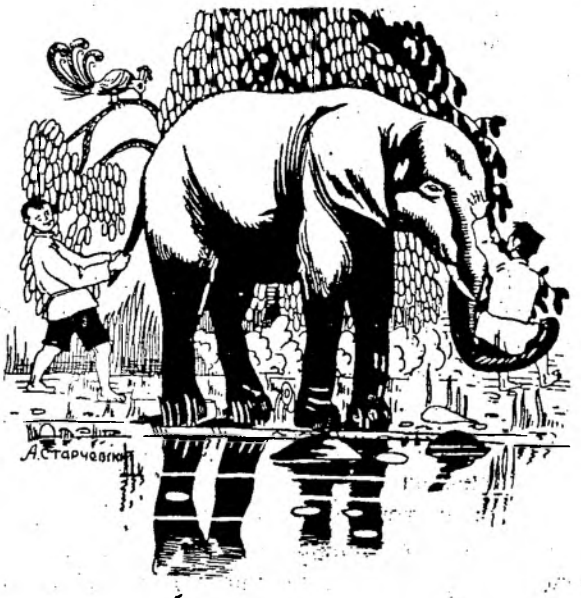
Лунопроз и компания подошли к залу Отдыха. По знаку Светловила все стихло. Голова черной статуи заговорила:

— Луналиты! Мы слетелись сюда для того, чтобы увидеть сейчас гостей с Земли. В зале Отдыха спят земные боги, неизвестно как и зачем к нам попавшие. Знаток языка земных богов Лунопроз будет с ними сейчас разговаривать и передаст нам все.

Лунопроз, Линегура и Светловил вошли в зал Отдыха... Никого!..

— Земные боги! — крикнул на ломаном земном языке Лунопроз. Игнашка с Прокошкой, стоявшие тут же, услыхав родную речь, обрадовались.

— Слышь, Игнашк, по-нашенски заговорили. Не миновать — с нашей улицы кто-нибудь есть.



... сидели на берегу озера и играли с маленьким смешным слоном.

— Молчи! Они нас за каких-то богов принимают. Все это, кажись, из-за нас затеяли.

— Боги, появитесь! — крикнул опять Лунопроз. — Мы пришли, чтобы поговорить с вами.

— Прокошка, не показывайся! — сказал Игнашка. — Не верю я им. Отнимут они у нас шарики — пропадем.

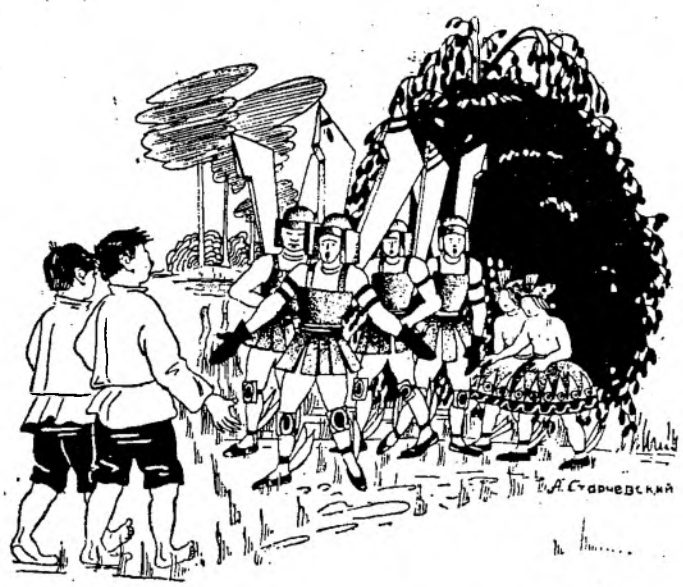
Почти рядом с ними стояли Линегура и Зелентуя. Светловил разговаривал с Машинопросом. Лунопроз ждал ответа от Игнашки и Прокошки.

— Боги, должно быть, напились снова запаха черной розы и спят, — насмешливо сказал Машинопрос. Линегура, пока твой отец будет будить чудаков Земли, пойдем в грот Вздохов...

— А, может быть, они трусы и сбежали.

Игнашка толкнул в бок Прокошку:

— Слышишь, что говорит. Давай покажемся. А в случае чего — стреляй и тикай!



— Боги!! — вскрикнул Лунопроз, простирая к ним руки

Словно туман рассеялся перед глазами луналитов. Прокошка с Игнашкой подошли к Лунопрозу и спрятали шарики. Луналиты, не веря своим глазам, закрыли их руками, потом снова открыли.

— Вот мы! — раздались голоса Прокошки и Игнашки.

— Боги!! — вскрикнул Лунопроз, простирая к ним руки.

Линегура взяла за руку Игнашку, Зелентуя — Прокошку, и все вместе вышли из зала Отдыха. Луналиты на озере пришли в движение и огласили Край Радости громкими криками не то испуга, не то удивления. Перед ними были новые существа: больше их ростом, с цветущими розовыми лицами, и в одежде, не похожей на ихнюю.

Поняв с трудом, что говорил Лунопроз, Игнашка с Прокошкой ответили ему, что они вовсе не боги, а дети портного и бондаря, попали в Луну случайно и с удовольствием бы вернулись на Землю. Лунопроз истинного смысла их ответа тоже не понял и перевел его луналитам так: боги-мальчики с удовольствием попали в Луну и вернутся на Землю только тогда, когда ознакомятся с жизнью луналитов, о которой на Земле никто не имеет представления. Луналиты хором сказали, чтобы и мальчики рассказали им, как живут люди на Земле и как можно пробраться туда луналитам.

— Этот день мы должны ознаменовать празднеством, — предложил Лунопроз.

— Прошли миллионы лет, как Луна и Земля живут в соседстве, а первый раз мы видим у себя дорогих гостей с Земли. Этот день послужит залогом того, что пробьет час, когда жители всех планет об'единятся и узнают все, что еще не известно луналитам.

Воздух огласился криками восторга: рыбы в озере заиграли марш, зазвенела трава колокольчиками, захлопали птицы крыльями. Луналиты поднялись на воздух. Тогда Машинопрос спросил у Прокошки — почему они не умеют летать?

— Машинопрос, что ты спрашиваешь? Если бы боги не умели летать, они бы к нам не попали.

— Это верно.

Светловил шепнул что-то Машинопросу, и тот взвился на воздух. Вскоре он вернулся с целым флотом летательных машин, которые, сами опустившись на берегу озера, раскинулись и образовали нечто похожее на столы.

Прокошка с Игнашкой удивились.

— Это еще что! — сказал Лунопроз, заметив их удивление. — У нас еще и не то есть.

Прокошка с Игнашкой осмелели.

— Луналиты! — сказал Прокошка. — Нас вызвали сейчас с Земли. Мы на минутку отлучимся поговорить с Землей. Игнашка, возьми шарики в руки, пойдем потолкуем.

Оба пропали. Луналиты прониклись еще большим уважением. Даже смелый Машинопрос сказал:

— Да, это боги.

— Не раздражай их, — шепнул старик Лунопроз.

Отойдя в сторону от пиршества, Прокошка сказал Игнашке:

— Знаешь что, друг. Хорошо у них здесь. Дюже хорошо! А давай им предложим улететь с нами на Землю. Иначе мы не удерем.

— Идет!

Пир кончился. Лунопроз, Линегура, Зелентуя и Машинопрос остались одни в Краю Радости. Линегура подала мысль, чтобы Игнашка с Прокошкой выучились их языку. Эта мысль понравилась Лунопрозу, и он предложил им залететь в самую лучшую школу луналитов. Прокошка с Игнашкой согласились. Линегура и Зелентуя взялись сопровождать их и давать на все об'яснения, когда они выучатся. Были поданы самые лучшие крылья, и они поднялись высоко над Краем Радости.

Школа была недалеко: через степь, лес и озеро. Это был парк, полный зверья, птиц и животных. Тут же бегали луналитские ребятишки и учителя — взрослые.

Язык луналитов был язык всего живущего в Луне: они понимали, как говорит слон, птица, рыба, деревья и ветер. Обучение языку было несложно, и Прокошка с Игнашкой быстро все усвоили.

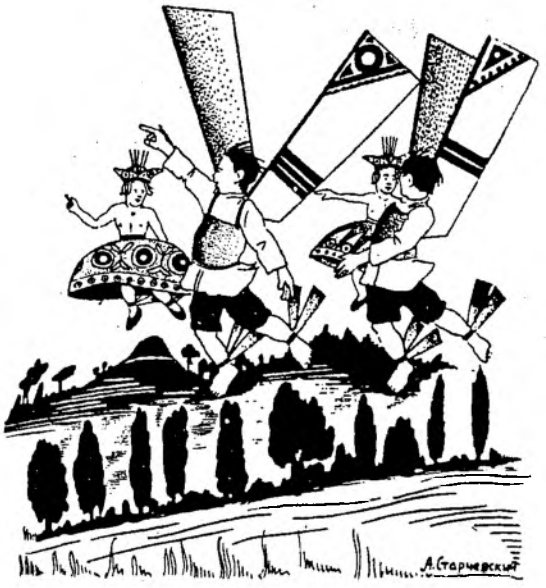
Под руководством Линегуры и Зелентуи они овладели знаниями и однажды на луналитском языке сказали Лунопрозу и Машинопросу, что они желают погулять по луне вместе с Линегурой и Зелентуей. Он дал справочник ребятам, и все четверо отправились осматривать лунную жизнь.

Дорогой Линегура спрашивала Игнашку о жизни на Земле. Игнашка, не будь дураком, расписывал ее, как мог. Прокошка поддакивал. Главное, они напирали на то, что на Земле есть злые и добрые люди.

— В момент нашего отлета к вам у нас, на Земле, была битва солдат с рабочими, — сказал Игнашка.

— Как это интересно! — заметила Линегура. — Там люди бьются с людьми, а мы это знаем только из истории, когда наши предки делали то же самое. Мы боремся теперь только с нашим небом. Это враг сильный, но бесчувственный: как его не побеждай, он не крикнет. И мы до сих пор не знаем — не то победили небо, не то нет.

Линегура была старше Прокошки и Игнашки. Она рассуждала, как взрослая; к тому же луналиты отличались остротой ума, почему Прокошка с Игнашкой ничего не поняли из ее рассуждения. Но все-таки ребята, попав в Луну, возмужали и уже земного ребячества осталось в них мало.



...и они поднялись высоко над Краем Радости

Понемногу они поняли, что жизнь в Луне — штука неплохая. Прокошка даже задал вопрос, работает у них кто на Луне или все само делается.

Линегура и Зелентуя рассмеялись. Очень уж смешным показалось им слово „работает". Они даже нараспев повторили его:

— „Ра-бо-та-ет"!

— Не понимаете? — спросил Игнашка. — У нас, на Земле, дюже работают... только не все.

Они летели над безводным простором лесистой местности. Вдали были видны черные горы, отвесные скалы. Местность была суровая, угрюмая, неприветливая. Горы подходили под самое хрустальное небо. Слышен был грохот падающей воды и шум сильного ветра. Всех обдавало леденящим холодом.

— Мы влетаем в Край Жизни, — сказала Зелентуя. — Тут наша Лунаталия соединяется с небом, которое мы заставили давать нам ветер, воздух и воду.

А. Фролов

(Продолжение следует)

XII. В Краю Жизни

Когда Игнашка с Прокошкой, а с ними Линегура и Зеленита, подлетели к суровым горам, это были не просто горы, а грандиозные сооружения из черного гранита, сплошной стеной упирающиеся в хрустальное небо и пропадающие глубоко в земле луны. Слышно, как где-то работали машины, свистел ветер за стеной, падала с грохотом вода, так что сотрясались стены. Пока не было видно ни работающих, ни завода, ни машин. Угрюмая гора тянулась очень далеко; у подножья не было ни деревца, ни травки, ни воды — сплошной гранит.

Линегура об'ясняла:

— Вы видите, как здесь все нерадостно. Мы находимся в Краю Жизни. В угрюмой стене проложены трубы и по ним с верху луны бежит к нам наша жизнь — вода и воздух. Воздух на поверхности луны холодный, мы его называем мертвым, но, проходя через трубы, он согревается и дает жизнь нашим лесам, цветам и травам. То же с водой; внутри луны нет воды: наша почва — пепел, гранит и шлак, нет воды и на поверхности луны — там лед толщиною в пять верст. Тысячи лет наши машины жуют этот лед, жеванный отправляют его в трубы, там он плавится и водою наполняет наши реки и озера. Мы сейчас пройдем в машинное отделение: давайте взлетим вон на тот выступ в стене!

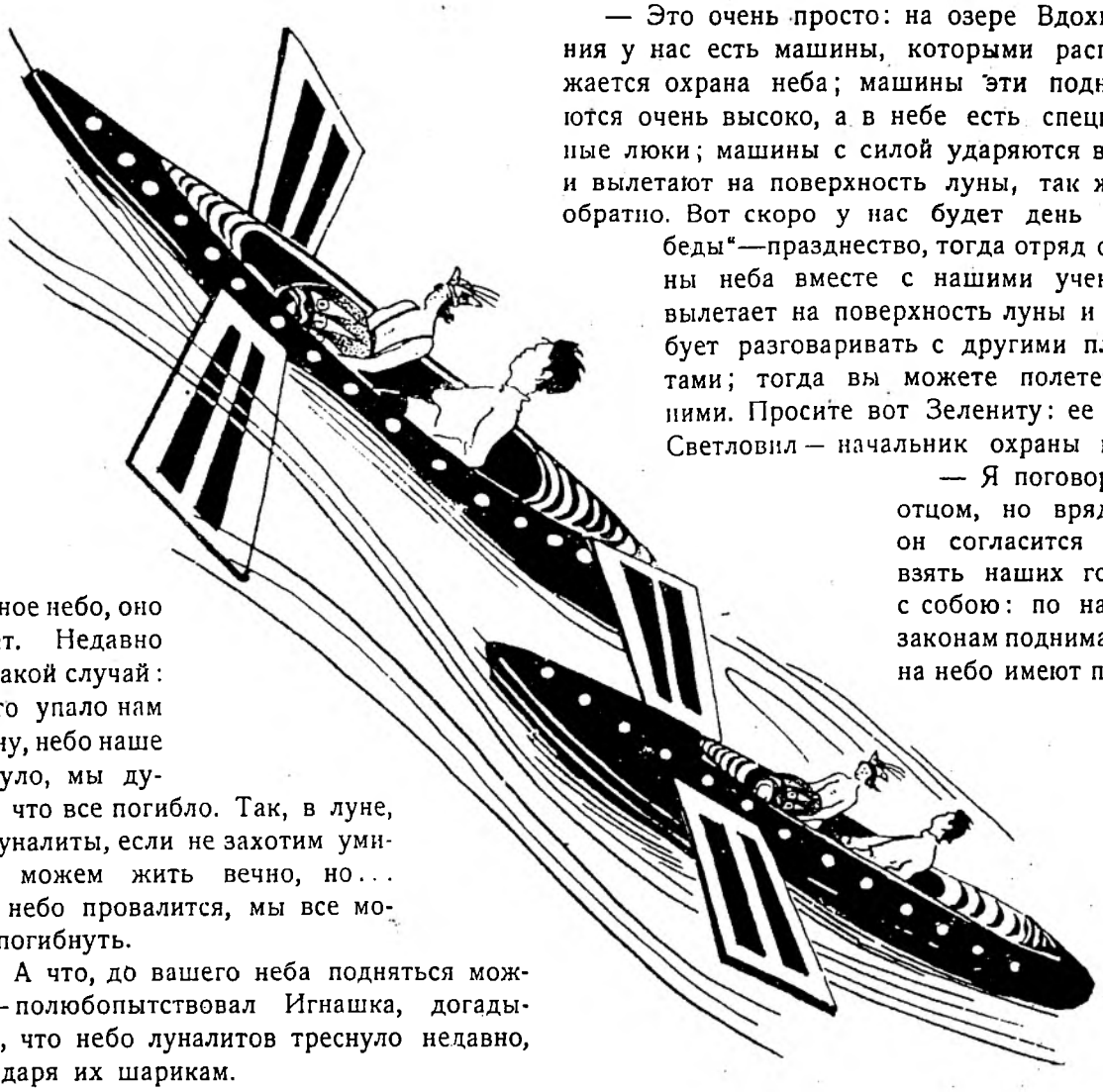
Все четверо высоко взвились и опустились на площадке. В стене была видна дверь. Линегура нажала кнопку и перед ними открылся темный холодный туннель; осветился. Шли долго. В середине гранитной стены, во всю длину, роскошный черный зал, весь уставленный чудовищными машинами, но такими, у которых не было ни колес, ни ремней, ни котлов, ни винтов; они походили скорее на колоссальной величины футляры, от которых к потолку проходили трубы диаметром, что мог бы поместиться двадцатиэтажный дом. Около машин никого не было.

Линегура подходила к каждой машине и давала об'яснения. Прокошка с Игнашкой были не инженеры, не ученые, а дети — и то поразились тому, что услышали. Оказалось, что в луне руками луналитов ничего не делалось — все машинами.

И машин этих было совсем немного: машина рек и озер, машина воздуха, машина тепла, машина света, машина воскресения и смерти и машина всех машин, приводящая в движение все машины — стоящие, летающие и плавающие, где бы и на каком расстоянии они ни находились. Эта машина вырабатывала эфироветросил и им же приводилась в движение, двигая и управляя всеми машинами.

— Наши машины вечны, — сказала Зеленита. — Они могут погибнуть только тогда,

когда обвалится наше небо. Небо у нас искусственное, созданное нами. Его строили наши предки тысячи лет. Оно тонко и прозрачно. Его прочность такова, что, если бы земная планета упала на луну в том месте, где наше небо — оно бы выдержало. Но... ученые наши говорят, что есть в мире состав, крупинка которого если упадет на наше хрустальное небо, оно лопнет. Недавно был такой случай: что-то упало нам на луну, небо наше треснуло, мы думали, что все погибло. Так, в луне, мы, луналиты, если не захотим умирать, можем жить вечно, но... если небо провалится, мы все можем погибнуть.



— А что, до вашего неба подняться можно? — полюбопытствовал Игнашка, догадываясь, что небо луналитов треснуло недавно, благодаря их шарикам.

— Оно не высоко, — отвечала Линегура, — но дотрагиваться до него нам не позволяют, это единственно, что запрещено законом делать луналитам. Ведь наше небо особое. В нем нет солнца. Солнце выше, оно только посылает свои лучи нам, но они замерзают на поверхности луны, и если бы не хрусталь нашего неба, делающий лучи теплыми и более яркими, чем они есть, жить в луне нельзя было бы. А когда-то луналиты в луне жили при холодном солнце, но это было давно-давно, тогда еще луналиты, все себе руками делали и машины были простые.

— Но, а вот как же вы попадете на поверхность луны, если бы вам понадобилось? — снова задал вопрос Игнашка. Очень уж ему хотелось знать, как до ихнего неба добраться, чтобы, в случае чего, ахнуть его шариком да и удрать на землю.

— Это очень просто: на озере Вдохновения у нас есть машины, которыми распоряжается охрана неба; машины эти поднимаются очень высоко, а в небе есть специальные люки; машины с силой ударяются в люк и вылетают на поверхность луны, так же и обратно. Вот скоро у нас будет день „Победы"—празднество, тогда отряд охраны неба вместе с нашими учеными вылетает на поверхность луны и пробует разговаривать с другими планетами; тогда вы можете полететь с ними. Просите вот Зеленицу: ее отец Светловил — начальник охраны неба.

— Я поговорю с отцом, но вряд ли он согласится один взять наших гостей с собою: по нашим законам подниматься на небо имеют право только очень заслуженные луналиты или те, кто своим посещением могут принести пользу. Я скажу ему, а сейчас предложу всем пройтись на Водовоздушный выпускатель...

Клокочет вода в гранитном бассейне: одна пена, одно кипение, словно под бассейном печка, кипятящая воду; она шумит, крутится, бешено кидается кверху, дождем рассыпается вокруг и паром висит далеко над черным гранитом.

— Под дном этого бассейна проходят трубы, в которые жевательные машины льда

отправляют в наши реки и озера воду — об'ясняла Линегура.

Вблизи был слышен такой шум, что, если бы гудел гудок или звонили в колокола, все равно бы их не было слышно. Линегура об'ясняла тут говорителем, пристроенным в колонке у бассейна. Он говорил:

— Шум, который поразил наших гостей (это Игнашку с Прокошкой), происходит в долине Ветра. Сила искусственного ветра так велика, что, если бы у жерла рассеивателей ветра поставить гору, ее бы сдунуло, как перо. Этот ветер помогает нашим машинам в вечном движении и разносит по всему подлунному миру известия. Хотите, — Линегура сейчас скажет отсюда ветру, чтобы он передал ее отцу, где вы находитесь, и тотчас же получите ответ. А расстояние, где находится ее отец, от этого места очень далеко.

И Линегура сказала:

— Отец, мы находимся сейчас в долине Ветра, наши гости очень любознательны. Отсюда мы думаем пробраться в туннель, что идет долиной ветра.

И, словно в самом ветре, все услышали:

— Я рад, что гости довольны нашей жизнью, передай им мой привет, осмотрите все и возвращайтесь к часу известий.

Прокошка с Игнашкой были поражены.

По винтовой лестнице, очень похожей на стеклянную, выгнутую коленом трубу, в которой мог бы проехать поезд, они прошли в туннель долины ветра.

В стенки трубы они видели, как летел долиной голубоватый ветер. Шли наши герои долго: поворачивали, поднимались вверх, пока не уперлись в какую-то стену.

— Тут заслон люка неба — сообщила Линегура — мы почти под самым небом.

Она нажала в стене кнопку и все вышли на площадку. Сквозь хрустальное небо глядели в луну блестки звезд. Было темно, тихо и, должно быть, очень высоко. Зеленита сказала:

— Скоро настанет час Вестей Вселенной. Я предлагаю отправиться в Край Радости. Сегодня должны быть очень интересные новости. Наши ученые говорят, что на земле что-то происходит страшное.

— Слышишь, — толкнул Прокошка Игнашку. — Земля пропадет. Надо скорее пробраться туда. Идемте, девочки, скорее на час Вестей Вселенной.

— Эх, надо их уговорить — улететь с нами на землю — вздохнувши, сказал Игнашка. — Надоело мне у них что-то. Живут, как птицы в клетке — скучно.

Все четверо сели в сигарообразные лодки и поплыли в воздухе, улетая вниз.

Спустились вниз во время. Уже все были в сборе. Лунопрос сообщал, что на планете „Земля", после того, как оттуда незадолго до этого отлетели точки, что были, по их предположению, боги в лице Игнашки с Прокошкой, происходит что-то невероятное. Земля шатается, кора лопается и взрывается. Что точно происходит на земле, мы не знаем, но влияние происходящего на земле вредно отражается на луне. Необходимо принять какие-нибудь меры.

Тогда попросил себе слова Машинопрос:

— Луналиты, — обратился он ко всем, — среди нас гости Земли, пусть они нам расскажут, что у них там делается.

— Мы вам расскажем все, что знаем — сказал Прокошка, — но покажите нам сначала Землю в Зеркало Вселенной.

Машинопросу дано было знать, чтобы он послал за машиной. Не прошло и пяти вздохов, как машина Зеркало Вселенной, управляемая эфироветросилом, опустилась в Краю Радости. Это была груда труб; они сами раскинулись и поднялись до самого неба, верхним концом уставившись в него, как глазом. В середине главной трубы, как сук в дереве, торчала маленькая с стеклом, направленным в небо: она передавала то, что фотографировала главная труба.

Прокошка с Игнашкой так и впились глазами в луналитское небо. Лунопроз об'яснял:

— Земля погружена во мрак. По ней ходят туманы и мешают разглядеть то, что там происходит. Даже когда туманы рассеиваются, мы видим там только точки. Мы догадываемся, что эти точки — люди, и в то же время сомневаемся — люди ли это? Мы замечаем, что они уничтожают друг друга. Хотелось бы иметь подтверждение от наших гостей наших предположений на основании наблюдений Земли в Зеркало Вселенной.

Все луналиты обратили свои взоры на Игнашку и Прокошку, а те, ничего не слыша, стояли, словно зачарованные, и глаз не спускали с неба. Чего не видели луналиты, то ясно видно было им. Они давно заметили,

что, с появлением у них шариков, их обоняние, осязание, зрение и слух совсем стали иными. В них была какая-то чудодейственная сила, перерождающая человека. Они, конечно, об этом луналитам не сказали, но, глядя в Зеркало Вселенной, они видели отражение Земли на хрустальном небе таким, как есть Земля на самом деле.

На Земле в это время была ночь. Виднелись освещенные города, реки, моря, пустыни и горы. Многому Игнашка с Прокошкой не могли даже дать название. Когда они увидели свой город, их радости не было предела.

— Игнашка, вон наша улица, гляди! — закричал по детски Прокошка. Должно быть, время было на земле не позднее: по улице шли люди, ехали извозчики и еще не спали ребятишки.

— И чего они так перепугались, сказал Прокошка, — ничего страшного на земле нет.

Разом выстрелили в воздух и сразу изчезли из глаз

Но Игнашка, как немного старше и более осмысленный парень, заметил:

— А ну-ка посмотри вон туда — указал он на один участок земли, — что там такое? Гляди, гляди — война. — На хрустальном небе Земля шаталась. На глазах Прокошки с Игнашкой пропадали города, корабли тонули в бушевавших волнах, облаками дыма застилала война лицо земли и, когда дым рассеивался, были видны выжженные места. В момент самой ожесточенной битвы, когда на одном куске земли, казалось, сошлись люди всей Земли — так их было много — на хрустальном небе луналитов показалось пламя, сама луна потряслась в своем основании, и из грудей луналитов вырвался крик ужаса.

— Боги, боги земли, скажите, что у вас происходит?!

Перепуганные не меньше их Прокошка с Игнашкой ответили:

— На земле идет война. Люди убивают друг друга.

— Что это такое война? — вскричал Машинопрос, подбегая к нашим ребятам: — Говорите!

Он был возмущен. Ему почему-то казалось, что виной всему появившиеся в луне Прокошка и Игнашка. Он их не долюбливал и с удовольствием уничтожил бы их машиной смерти.

Ребята давно заметили недружелюбное к себе отношение Машинопроса, но, зная, что он ведает всеми машинами, не хотели с ним затеваться. На его вспыльчивый выкрик Прокошка спокойно ответил:

— Война — это убийство.

— Это то же самое, что у нас машина смерти?

— Мы этого не знаем, — с наивностью ответил за Прокошку Игнашка. — Но на войне страшно. Хотите мы вам покажем, что делают на войне. Ну-ка, Прокошка, доставай револьверы.

На глазах у омертвелых луналитов ребята разом выстрелили в воздух и сразу исчезли из глаз, взяв в руки шарики.

Машинопрос, — невидимо крикнул Игнашка, — если мы не улетим на землю, луна ваша может погибнуть.

— Боги, боги, — вскричал Лунопрос, а с ним вместе и все луналиты, — давайте спасать землю вместе. Машинопрос — строго обратился к нему Светловил, заметивший, что Прокошка с Игнашкой обиделись на его дерзость. — В каком положении машины, изобретенные специально для отправки экспедиции на землю?

— Машины все готовы, — более сдержано и все-таки гордо ответил он.

— Мы ждем праздника „Победы", чтобы обо всем доложить луналитам и назначить время отлета на Землю.

— Сколько вам времени потребуется для того, чтобы свалиться с луны на землю? — задала вопрос Линегура.

— Мы упадем быстрее воды, падающей в наши реки. Мы доберемся до земли в пять лет и столько же нам надо на обратный путь.

— Приняты ли меры, чтобы связь луны с экспедицией не прекращалась ни на одну минуту?

— Движение новых машин, управление ими и спуск на землю, — сосредоточен у нас в Краю Жизни в машине всех машин. Дорога воздушных волн нами исследована до границы притяжения к земле, а там мы не знаем, что будет.

— Луналиты, — раздался голос ветра, — кто хочет навеки создать себе славу и отправиться на землю?

— Я, — первым вызвался Машинопрос.

— И я, и я, и я — раздались со всех сторон голоса.

Были назначены Машинопрос, Линегура, Светловил, Зеленита, Лунопроз, часть отряда охраны неба, ученые и все машины, необходимые в экспедиции, в том числе машина Смерти и Воскресения. Днем отправки назначили день праздника „Победы".

А. Фролов

(Продолжение следует)

XIII. Полет на землю

До праздника Победы оставалось немного, но настроение у луналитов было тревожное. Ученые и Прокошка с Игнашкой не отходили от Зеркала Вселенной и все смотрели и изучали события на земле. Каждый день приносил все новые и новые вести с земли. Под влиянием сообщений, луналиты рвались поскорее отправиться на землю. Хотелось посмотреть вблизи, что там делается; к тому же на луне становилось небезопасно. На земле воевали так, что луна шаталась, трещало хрустальное небо, и в луну проникал земной воздух, отравленный газами (это открытие сделали ученые луны). Для луналитов отравленный воздух был безвреден, но небо их начинало от этого ржаветь и давать трещины. В машинах, улавливающих шум вселенной, отмечалось большое потрясение земли, она становилась все менее восприимчивой к лунному свету, отчего внутри луны становилось душно. Все говорило за то, что нельзя медлить с отправкой экспедиции на землю. Все ждали с нетерпением праздника Победы.

Что же происходило на земле?

Прокошка с Игнашкой улетели на луну в тот момент, когда рабочие с оружием в руках восстали против своих угнетателей.

Ученый химик, изобревший красные шарики, возмущенный тем, что полиция хотела его арестовать, а, может быть, и отнять шарики, — всей душой перешел на сторону рабочих.

Он принадлежал к тем ученым, которые долгое время жили среди бедняков и даже хотел из глины сделать золото, чтобы обогатить рабочих. Он никак не мог предполагать, что единственный способ осуществить на земле равную для всех жизнь, сделав ее здоровой и красивой — это восстать с оружием в руках против богачей, царей и хитрых людей, живущих за счет бедных. Он думал, что и эти люди ничего не будут иметь против, если всем бедным будет хорошо.

Каково же было его удивление, когда он увидел, что богачи, цари и хитрые люди стали сопротивляться и тоже с оружием в руках выступили против рабочих и бедняков.

Началась кровопролитная война богачей с бедняками. Но у богачей было все: и деньги, и оружие, и наука — и им, за деньги, служили ученые и даже сами бедняки...

У рабочих же была только организованность и вера в правоту своего дела.

Силы были неравны.

Озлобленные богачи расправлялись с бедняками жестоко: они их топили, морили голодом, сводили с ума, напускали на них болезни, ослепляли, глушили, отравляли газами, а один ученый изобрел даже средство заставлять бедняков убивать самих себя. Бедняков ничто не спасало от смерти — ни глубокие недра земли, ни дно моря, ни высота: они гибли на земле, как мухи на блюдце.

Видя такое гибельное дело, ученый химик, примкнув к рабочим, решил помочь им, но... как? Сначала он хотел сделать для всех бедняков невидимки-шарики, чтобы они, скрывшись из виду, пробрались к неприятелю и сразу его захватили. Но эту мысль пришлось бросить, ибо — сколько же надо времени чтобы наделать шариков для всех бедняков и рабочих — ведь их миллионы?..

И вот пришла ученому безумная мысль обратиться за содействием к богу. Ученый он был хоть и ученый, но верующий. В его понимании бог был не такой, каким он представлялся людям неученым, который где-то сидит и ничего не делает, а бог-механик. Ученому химику казалось, что весь мир не что иное, как большая машина, все планеты — части машины, и что бог это механик-изобретатель, которому успей только за машиной усмотреть,— где уж тут за такими маленькими винтиками, как люди доглядеть?.. Но люди, с точки зрения ученого, значили многое. И он решил изобрести быстренько такую пулю, которая могла бы впитать в себя мысль человека и его слова и, выстреленная, могла бы разорваться и, дав новый толчок словам и мыслям, заставила на всю вселенную поднять крик. Недолго он сидел над этим — и изобрел такую пулю. Он вложил в нее мысль и крик:

„Бог-механик! Загляни поскорее на землю: богачи рабочих бьют! Помоги!"

Приготовив пулю, ученый выстрелил...

И вот...

Раннее утро. Хрустальное небо залито розовым светом лучей прожектора. От этого свет солнца тоже розовый. Розовый цвет луналитской земли, розовые капли бьющих фонтанов, розовые озера в зеленых берегах и в праздничных крыльях луналиты. Все они — с распущенными волосами, в головных уборах, похожих на звезды, и у каждого в руках большая черная роза. Лица радостные. Сегодня особый день. Сегодня они не только попробуют крикнуть на весь мир и попытаются узнать, есть ли в нем еще жизнь, похожая на ихнюю — сегодня они оповестят мир о том, что у них проживают земные боги. Сегодня они отправляют экспедицию на землю, и горестям нет места. Луналиты собираются в Край Радости: со всех концов они летят, едут на птицах, на слонах, на верблюдах, на львах, лошадях и буйволах. Зверье и скотина радуются не меньше луналитов. Слышно пение, музыка, смех, крик. Особый ветер нежит красивые лица и играет с деревьями. Цветы, умытые фонтанными каплями, душат окрестности. Луналитов много, но столько, что вокруг озера в Краю Радости всем хватает места. В ожидании охраны неба и машин, предназначенных в экспедицию, начались игры. Луналиты высоко взвивались над озером и дождем падали оттуда в воду, поднимая розовые брызги. Иные носились друг за дружкой, как птицы и, догнав, обнимались.

Летели машины: машина „Победы", машина Смерти, машина Воскресенья

Молодежь понеслась туда, откуда должна была появиться охрана неба.

Вдруг по направлению Края Жизни показалась черная туча; это летели машины: машина „Победы", машина Смерти, машина Воскресения, отряд охраны неба во всем белом и в шлемах и много летящих луналитов на машинах разных систем и просто так.

При виде их, раздался крик радости. Водный оркестр заиграл гимн; все задвигалось, зашумело, взвилось кверху, побежало низом и поплыло озером навстречу. Машины, покачиваясь, повисли над Краем Жизни, загородив собою все небо; опуститься им не хватило бы места.

На одной из машин, на борту, в луналитском одеянии, стояли Игнашка с Прокошкой и разговаривали с Линегурой и Зеленитой. Они были довольны, что, наконец, улетают на землю.

Когда первые минуты восторга прошли и все стихло, ветер принес слово: „Луналиты! Сегодня праздник Победы: он знаменует собою победу машины над природой. Не было бы машин — не было бы жизни луналитов. Не было бы машин — мы бы не узнали, что на земле есть люди. Ныне же мы снова крикнем машиной во вселенную:

— Где есть люди на планетах или боги, откликнитесь! Мы отправляем сегодня на землю своих!! Готовься!

Все стихло в торжественном молчании. Игнашка с Прокошкой попросили слова. Они уже прекрасно владели луналитским языком, многому на луне научились, многое полюбили и им хотелось сказать луналитам слово благодарности.

Прокошка сказал:

— Луналиты! Улетая на землю, мы научим ее жить так, как живете вы.

Игнашка добавил:

— На земле мы уничтожим рабство крестьян и рабочих и сделаем для всех жизнь такой красивой, как у вас.

— Люди земли! — выступил Лунопроз, — благодаря вам, луналиты узнали, что они не одиноки во вселенной. Вы и мы — вместе победим мир!

Край Радости задрожал от восторженных криков.

Экспедиция начала размещаться. На „Победу“ сели Машинопрос, Линегура, Светловил, Лунопроз, Зеленита и Прокошка с Игнашкой; остальные — на другие машины. Бесшумно тронулись они к хрустальному небу, сопровождаемые радостными криками стоящих на берегу озера... все выше...

Все меньше видна жизнь луналитов.

Голос машины:

— Закрыться!

— Луналиты! Улетая на землю, мы научим ее жить так, как живете вы

Крылья машин, площадки, барьеры — все вдруг сложилось само собой, и машины приняли форму длинных лодок, закрытых со всех сторон наглухо. Были все удобства в машинах: комнаты с окнами, постели, бассейны для воды, библиотека, комната, улавливающая шум и голоса, комната, говорящая и посылающая вести во вселенную, комната эфироветросила, связующая все машины и управляющая ими, и комната Машинопроса, руководящего всем. Тут же были машины ремонта и все, что нужно для далекого, неизвестного путешествия. В комнатах Линегуры и Зелениты было много цветов. Меньше всего места занимала у луналитов пища. Они взяли с собой маленький питательный и очень вкусный плод, законсервированный в соке черной розы.

Летели быстро, и казалось, что не летят, а стоят на месте. Даже качки не было.

— Держись крепче! — раздалась команда по всем машинам.

Небольшой толчок носом во что-то твердое („это люк неба" — подумали Прокошка с Игнашкой), и машины, со свистом, вылетели на поверхность луны.

Щиты открылись, и глазам всех представилась чудная картина мертвой, белой пустыни.

Взлетев на розовую гору, машины на-ходу выпустили полозья и остановились.

Все луналиты сошли с машин и, в каком-то странно-задумчивом состоянии, низко опустили головы и молчали. Вверху, внизу, с боков была необ'ятная пустота вселенной, без единого звука.

Машинопрос нажал кнопку говорящего аппарата, и по пустыне вселенной покатился голос машины:

— Если есть где-нибудь на планетах, помимо луны, во вселенной жизнь мы, луналиты, предлагаем дать нам знать. Откликнитесь! Люди, человек, звери!!

Тихо... Мертво... Пустынно...

Проглотила вселенная зов машины, и аппараты, улавливающие ответы, но белые пластинки стоят чистыми, как девственный лунный снег. Луналиты издали тяжелый вздох и хотели уже дать знать в луну, что и на этот раз ответа не получено, и вдруг аппарат, улавливающий звуки, заработал; на пластинке нацарапывались почему-то знакомые луналитам знаки; машина, передающая звуки, захрипела, точно обрадовалась, и раздался голос на языке Прокошки и Игнашки:

— Бог-механик! Загляни поскорее на землю: богачи рабочих бьют! Помоги!

Все взоры луналитов, уже хорошо знавших язык земли, обратились на Игнашку и Прокошку. Они тоже стояли пораженные. Голос был знаком: они только не могли припомнить, когда и где они его слышали. Это была минута удивления, радости и торжества — победы машины, покоряющей природу.

— Игнат и Прокофий! — обратился к ним растроганный и счастливый Лунопроз. — Слышите? Земля знает, где вы, земля просит вас вернуться. Я счастлив, что сразу определил, что вы боги.

— Вперед, луналиты! — крикнули Игнашка с Прокошкой, думая, что, на самом деле, это их зовут на землю.

Счастливые и довольные, все сели в машины и дали знать в луну о результатах переговоров. Машины тронулись, проползли по горе на полозьях и потом сразу упали в бездну пустоты вселенной, стремительно несясь к земле.

А. Фролов

(Окончание следует)

ПОХОЖДЕНИЯ ПРОКОШКИ И ИГНАШКИ

(Продолжение [1])

Пятый год путешествия

Все машины были закрыты наглухо. Эфироветросил давил с такой силой, что они летели быстрее пули. Когда спрыгнули с Луны, думали, что Земля находится внизу, а посмотрели на Показатель, — он отмечал, — машины летят не вниз, а прямо: точно Земля была напротив. В окна ничего не было видно, кроме голубой пустоты с воткнутыми в нее блестками. Внутри машин незаметно было — летят они, стоят или висят. И только по планетам, встречавшимся по пути, можно было догадаться, что машины летят вперед: планеты мелькали перед глазами, как телефонные столбы, когда едешь в поезде. Да и Луна, оставаясь позади, становилась все меньше. Земля вдали простым глазом была не видна. Ярче всего пылало Солнце и казалось, в просторе, раскрытой печью, где, как будто, переливалось расплавленное железо.

Лунопроз, наблюдая его в своем рабочем кабинете через Зеркало Вселенной, делал записи и тотчас же передавал их в Луну, с которой экспедицией держалась беспрерывная связь. А когда Солнце заслонялось на время какой-нибудь планетой и на летящих луналитов ложилась тень — вся экспедиция останавливалась, все щиты у машин открывались, образуя площадки, и луналиты выходили на свежий воздух, гуляя на висящих машинах, как по улице города.

Своих привычек они не оставляли в дороге: каждый из них исполнял определенное дело и все вместе учились. Попрежнему в час известий все сходились и узнавали, что нового на планетах. Попрежнему играли в разные игры, летая в бездне вселенной. Но был приказ очень далеко от машин не отлетать. Игра однажды чуть-чуть не погубила Линегуру. Стояли недалеко от неизвестной планеты. Линегура расшалилась с Машинопросом: он догонял ее, она, смеясь, увертывалась, както неосторожно повернулась и обломала оба верхних крыла; перекинулась, бедная, головой вниз и камнем полетела в бездну. Хорошо, что это случилось выше машин. В это время как раз Игнашка стоял на борту „Победы", заметил и, недолго думая, наперерез бросился и схватил Линегуру.

Лунопроз очень благодарил Игнашку, а Машинопрос заметил старику:

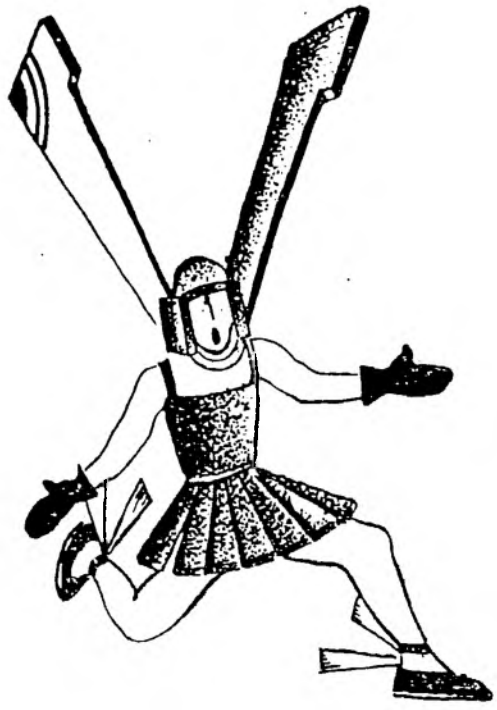
— Ничего, Лунопроз, в этом особенного нет. Это сделал бы каждый из нас.

— Я это хорошо знаю — ответил старик.— Но... Игнатий — наш гость.

Тогда Прокошка, стоявший при этом, шепнул Игнашке:

— А знаешь, друг, нам надо быть на-чеку. Что-то против нас имеет Машинопрос.

[1]) См. журн. №№ 1 — 14



Линегура расшалилась с Машинопросом...

— Я догадываюсь. Он, кажется, любит Линегуру, а она — все с нами. Я еще в Луне это заметил.

— А знаешь: не стать ли нам тут невидимыми. Пусть думают, что одни летят на Землю.

... и как-то неосторожно повернулась и обломала оба верхних крыла

— Нет, — раздумывая, сказал Игнашка. — Этого сейчас делать нельзя. Я замечаю: неохотно что-то многие из них летят на Землю. Без нас они могут вернуться назад, а мы на их крыльях вряд ли доберемся до Земли.

— Положим, это верно. Посмотрим. А пока что, не засесть ли и нам за ученье, — предложил Прокошка. — Лететь придется долго.

— Давай.

И после этого разговора ребята засели за учебу. Они почти не выходили из кабинета Лунопроза. При тех пособиях и методе обучения, которые имелись у луналитов, да еще шарики чудодейственные — Прокошка с Игнашкой пошли далеко. Лунопроз, часто беседуя с ними, однажды сказал, что наука у луналитов очень высока: уметь воскрешать мертвых машиной Воскресения — предел науки. Вот два столетия, как изобретена эта машина, и мы не знаем, что такое смерть. Чего мы еще не постигли — это быть невидимыми и уметь читать мысли других.

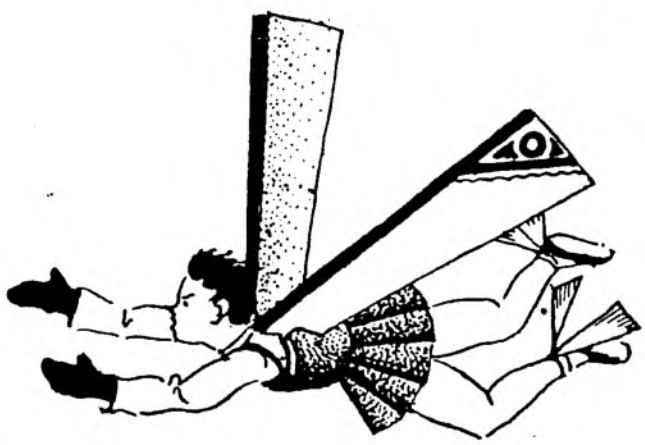
Игнашка моргнул Прокошке:

— Понимаешь!

Оба целые дни проводили в библиотеке и лаборатории, изучая ветер, воздух, планеты и их состав. Случайно Игнашке пришла в голову мысль переловить лучи светящихся планет, а Прокошка, ухватившись за эту мысль, поставил себе целью изобрести такой аппарат. Ребята никому об этом ничего не сказали, так как решили добиться найти средство читать людские мысли.

Летели... Солнце заливало светом голубизну мира, ныряли машины, как корабли в волнах, мелькали планеты, отмеривая версты Игнашка с Прокошкой ловили лучи планет Как-то наблюдая пространство, они заметили очень блеклую планету, лучи которой никак не давались на пластинку. Измеритель расстояния показывал, что она находится от них в трех днях пути.

Ребята определили, что планета не принадлежит ни к горячим ни к холодным, а к умеренным. В Зеркало Вселенной они заметили на планете какую-то жизнь. Они побежали к Лунопрозу и сообщили ему об этом. Решено было подняться на планету для исследования. Когда об этом узнал Машинопрос, он воспротивился.



В это время как раз Игнашка стоял на борту „Победы". заметил и, недолго думая, наперерез бросился и схватил Линегуру

— Зачем нам приставать туда и тратить лишних три дня, когда мы можем посредством наших машин знать, что есть на этой планете.

Его поддержал и Светловил:

— У нас слишком серьезное дело, чтобы отвлекаться пустяками.

— Да и почем мы знаем, что это за планета? — раздались голоса. — Может быть, при одном приближении к ней, мы можем потерять машину Воскресения и все погибнуть.

— С каких это пор луналиты стали трусливы? — сказала Линегура. — А может быть, затратив три дня, вы узнаете то, что даст нам возможность сократить путь на два года.

Игнашка с благодарностью поглядел на Линегуру и сказал:

— Если луналиты боятся приблизиться к неведомой планете, разрешите нам одним подняться на нее, а вы подождите.

— Это самое благоразумное, — вставил Машинопрос, думая о том, что Игнашка с Прокошкой, может быть, там погибнут.

Но Линегура и Зелентуя запротестовали и пожелали подняться на планету вместе с гостями. Машинопросу ничего не оставалось, как направить машины к планете.

Послали две разведывательных машины — жары и холода.

— Пристать можно, — ответили они.

Приказ:

— Пристать!

СЛУЧАЙ НА ПЛАНЕТЕ, КОТОРОЙ ДАЛИ НАЗВАНИЕ „ЛИНЕГУРА"

Поднялись раньше, чем в три дня, но причалить так и не удалось.

Планета представляла из себя жижицу с растениями такой величины, что в дупле каждого дерева могла бы поместиться целая колокольня.

Пришлось повиснуть над лесом и спуститься на крыльях.

Сначала казалось, что на планете ничего нет, кроме растений: тишина — ни одного звука. Но, из предосторожности, вооружились кольцами. Приступили к исследованию. Прокошка с Игнашкой немного отбились от экспедиции и забрались в глубь леса. Линегура с Зелентуей перелетая с листа на лист (а листы были немного меньше десятины), заметили, что в них имеются какие-то жилы толщиной в заводскую трубу, которые шевелятся. Они сказали об этом Машинопросу, неотставав-шему от них. Его мало интересовала планета. Он давно любил Линегуру, которая не прочь была давно сказать ему, что он — лучший из луналитов. Но появились Прокошка с Игнашкой, и он заметил, что одному из них она уделяет теперь больше внимания, чем ему. Он стал раздражительным, а после случая спасения Линегуры Игнашкой, задумал, во что бы то ни стало, избавиться от гостей Земли и вернуться в Луну без них. Он стал подговаривать охрану неба вернуться всем с дороги, доказывая, что, свалившись с Луны на Землю, нельзя никогда уже больше подняться на Луну.

— Зачем нам эта Земля? — говорил он.

Многие с ним соглашались и, тоскуя по Луне, не прочь были вернуться.

Когда Линегура сказала Машинопросу, что листья вроде живых, все трое вгляделись в них и, крича от страха, взлетели вверх.

То, что они приняли за листья, были чудовища — бабочки с толстыми паучьими ногами и пастью, как у крокодила. Чудовища, может быть, и не обратили бы на луналитов никакого внимания, но Прокошка с Игнашкой, не зная тоже, по чему они ходят, натолкнулись на смотрящий глаз чудовища. Он был, как яркая звезда красного цвета, и горел, словно огонь. Недолго думая, Игнашка — раз его ножом... Как взревет от боли чудовище и вместе с ребятами взвилось над лесом; голова чудовища была, как у жука-носорога, а ноги с длинными когтями так и извивались.

Игнашка с Прокошкой еле соскочили. Луналиты в испуге кинулись к машинам. Чудовища погнались за машинами. Насилу успели вскочить луналиты, а Игнашка с Прокошкой, будучи далеко, остались. Щиты все были закрыты и Машинопрос дал ход. Над лесом началось настоящее сражение. Остервенелые чудовища облапили все машины и стали грызть их зубами, увлекая их своей тяжестью прямо на планету. Машины стали выворачиваться, вырываться, кидаться в разные стороны, сбрасывая с себя неуклюжих чудовищ. Освободившись, они пулей умчались вдаль, а Игнашка с Прокошкой медленно летели над лесом среди встревоженных и ревущих чудовищ.

Вылетев на простор, они дали вдогонку машинам два выстрела, в надежде, что их

услышат. Но где же услышать? — выстрелы тут были не громче шума песчинки на берегу моря.

— Неужели они нас бросят?.. — с тоской в голосе произнес Прокошка.

— Все может быть, — сказал Игнашка. — С тех пор, как Машинопрос против нас, я всего жду.

Игнашка с Прокошкой еле соскочили

Они сиротливо летели в необ'ятном просторе голубой выси, где была пустынная тишь, нарушаемая только шелестом их крыльев. Вдали чуть виднелись машины.

Первой заметила отсутствие на „Победе" Игнашки с Прокошкой Линегура.

Думала, что они в какой-нибудь другой поместились. Позвонила — нет.

Неужели они там остались? Позвала Зелентую. Бросилась к Светловилу.

Тот сидел, хмурый и рассерженный.

— Светловил, что делать? Земные гости остались на планете?..

— Так что ж?!. — с сердцем ответил он. — Если они — боги, то не пропадут. А нам пропадать из-за них — мы больше не допустим.

Лунопроз тоже отказался дать свое согласие возвращаться на планету, чтобы искать там Игнашку с Прокошкой.

— Мы чуть не погибли из-за них.

— Так что же делать?! — вскричала Линегура. — Не оставлять же их там среди чудовищ!

— Можно предложить Машинопросу остановить машины, и, если они живы, они нас догонят.

Линегура бросилась в аппаратную к Машинопросу. Тот, зная, что Игнашка с Прокошкой остались на планете, гнал машины с такой скоростью, что они летели быстрее пули. Ему хотелось как можно дальше отлететь от планеты, чтобы, в случае, ребята, если останутся живы, заблудились.

Линегура, вбежав к Машинопросу, сразу заметила это.

— Машинопрос!

— Что тебе здесь надо, Линегура? — не отрывая рук от руля, спросил он.

— Наши гости остались на планете... Ты знаешь это?

— Знаю.

— Зачем же ты развил в машинах такую скорость? Ты убегаешь?

— Мы спасаемся, Линегура!

— Остановись!

— Этого не будет. Я не хочу подвергать луналитов опасности и гибели.

— Ты боишься земных гостей?

— Если они боги и умнее нас, они найдут дорогу сами.

— Я тебе говорю: остановись! Слышишь?

Машинопрос бросил руль управления и поглядел на Линегуру. Та стояла, гневно сверкая глазами.

— Если ты так хочешь, я остановлю.

Машины стали.

Прокошка с Игнашкой были недалеко. Услыхав знакомый голос призывных машин экспедиции, они напрягли последние усилия и вскоре увидали летящих им навстречу Линегуру и Зелентую.

— Живы! — вырвалось у обеих.

Опустившись на машины, Игнашка с Прокошкой, не подавая вида, что их хотели бро-

сить, прошли прямо в свои комнаты, заперлись и долго обсуждали свое положение.

Сначала они пришли к тому, чтобы заявить луналитам, что они их покидают, а сами хотели стать невидимыми, чтобы лететь украдкой.

Но эту мысль пришлось оставить. Луналиты могли сказать им: „Пожалуйста—уходите. А мы вернемся обратно в Луну".

— Я бы предложил, — сказал Игнашка, — невидимо изучить управление машинами и, в случае чего, захватить всю экспедицию в свои руки. Вот бы только найти средство читать чужие мысли. Мы бы тогда знали, что кто из них думает.

Оба согласились на том, что без боя они не сдадутся.

А. Фролов

(Продолжение следует)

ПОХОЖДЕНИЯ ПРОКОШКИ И ИГНАШКИ

(Продолжение [1])

Второй год путешествия

В один из дней, когда солнце не светило и машины погрузились в тьму, с луны было получено известие, что с какой-то планеты падают на хрустальное небо маленькие предметы, вреда не причиняющие; но, имея в то же время сведения, что экспедиция чуть не погибла, луналиты запрашивают экспедицию, не согласится ли она вернуться, отпустив земных богов на все четыре стороны.

Среди луналитов раздались настойчивые голоса — вернуться на луну. Руль управления машинами не раз в руках Машинопроса хотел повернуться спиной к земле, но Прокошка зорко следил за Машинопросом и, чуть что, бежал к Игнашке за советом, что делать.

Тот почти не выходил из научного кабинета, работая над изысканием состава читать людские мысли. Все, что было ими взято с планеты чудовищ, пошло в дело. И вот, разлагая как-то глаз чудовища, Игнашка натолкнулся на очень поразившее его явление. Зрачок глаза чудовища играл, переливаясь всеми цветами и в то же время был прозрачен. Игнашка поднес зрачок к своему глазу, а в это время вошел Прокошка сообщить о том, что Машинопрос задумал, никому не говоря, направить машины обратно на луну, о чем предупредила Прокошку Зелентуя, слышавшая разговор Светловила с Машинопросом.

— Ты пришел сообщить мне, что Машинопрос хочет повернуть на луну машины,— сказал ему Игнашка прежде, чем тот открыл рот.

— Почем ты знаешь?—удивился друг.

Игнашка засмеялся.

— На-ка, милый, держи да гляди на мой лоб и читай о чем я думаю.

Он сунул ему в руку зрачок животного. Прокошка поглядел на него сквозь зрачок чудовища и прочел на лбу друга:

„Прокошка, наконец-то мы нашли средство читать на лбу людей их мысли. О чем бы кто ни подумал из луналитов, мы все теперь узнаем заранее".

Спустя немного, Прокошка сидел невидимо с Машинопросом и, изучая управление машинами, в то же время видел все, о чем он думает.

Наконец, настал момент, когда все луналиты отказались лететь дальше на землю. Это было на границе, где спуск к земле начинался по вертикали. В этом месте бушевали вихри планет, и машины могли быть подхвачены вихрем и втянуты в вечное движение. Надо было уметь управлять машинами, чтобы прорваться сквозь этот вихрь, где планеты летали, кружились и мчались, как огненные печи.

[1]) См. „Окт. Всх." №№ 1—16

Даже смелым было страшно. Еще задолго до границы машины кидало ветром вихрей, словно мячики.

— Мы можем погибнуть!— раздались голоса.

— А если мы вам скажем, что проведем машины в вихрях безопасно...— сказал Прокошка.

— Мы плохо знаем путь вселенной.

— Мы знаем твердо!—выкрикнул Игнашка.

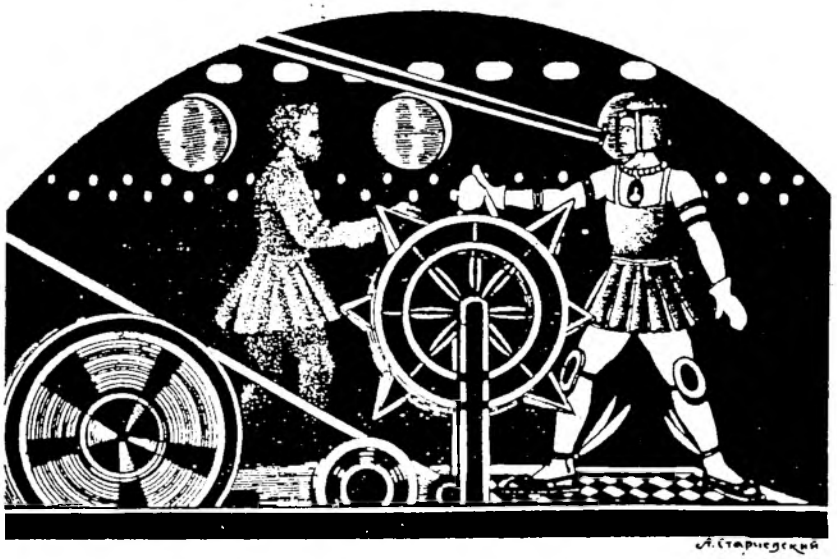
У многих появились мысли: почему это они так настаивают лететь.

Игнашка прочел мысли. Выкрики:

— Вернуться!

— Лететь!

— Лететь! - выступила Линегура. Что подумают о нас предки, когда узнают, что луналиты испугались. Двое земных с пустыми руками не побоялись прилететь на луну, а у нас - техника...



Прокошка сидел невидимо с Машинопросом и изучал управление машинами

— То — боги, — насмешливо произнес Машинопрос.

— Так покажи, что ты сильнее богов, — бросила ему Линегура.

Это его задело.

— Хорошо, — выступил он.—Я согласен лететь. Но пусть гости земли управляют машинами.—Он думал, что они не умеют и откажутся, а тогда... тогда ясно, он скажет:

„Нечего и браться!.. Я провести вас вихрями не сумею... вернемся".

Игнашка с Прокошкой взялись за дело и через некоторое время машины благополучно пролетели полосу вихрей.

Вихри остались позади. Показалась земля. Луналитов заметили.

Над самой землей

Как ворчливые звери, поднялись с земли люди на птицах,— целое стадо.

— Наконец-то,—вскричал Лунопрос,— нас встречают.

Луналиты остановили машины и хотели было лететь одиночками навстречу людям, но Игнашка заметил во-время, что как-будто бы не ихняя земля под ними. Птицы с людьми поднялись и еще издалека трахнули в луналитов из орудий. Хорошо, что Игнашка успел скомандовать, чтобы закрыли щитами машины, а то бы многих луналитов пришлось воскрешать. Игнашку с Прокошкой могло убить,—Машинопрос взял бы опять управление машинами, и луналиты, испугавшись, улетели бы обратно на луну. Но Прокошка, услыхав команду друга, повернул рычаг, и машины моментально герметически закрылись. Остался снаружи на машине „Победа" только один Игнашка. Приготовив крылья и став невидимым, он ждал момента, когда какая-нибудь птица подлетит ближе, чтобы броситься на нее и у сидящего человека узнать, над какой они землей и почему в них стреляют.

— А ты, пока я не вернусь, стой на месте, — приказал он Прокошке.

Летчики, видя, что чудовищные машины не летят, а висят в воздухе, дали об этом знать на землю и просили указаний, что делать.

— Узнайте хоть, что это такое, — отвечали им с земли.

Машины людей земли осмелились и скользнули по поверхности луналитских машин. Один летчик остановил аппарат, потом из него вышла команда. Когда они входили, к ним невидимо подошел Игнашка и, видя по облику, что это не русские, грозно спросил:

— Что вы за люди?

Команда остолбенела.

— Ни с места! — еще грознее произнес Игнашка.—Кто вы такие?

Еле выговорили на ломаном русском языке:

— Англичане.

— А где тут русские?

— Русь, Русь...— зашептали англичане.— Там Русь... большевики... Русь.

— Давай хоть большевиков, — сказал Игнашка.—Ну, садитесь сейчас все на вашу машину и указывайте нам путь к большевикам. Я помещусь рядом с вами.

Знакомство с землей

К ночи одного числа подлетели к большой реке, берега которой были все равно, что огненное море: дым, огонь, грохот, точно волны о скалу корабли разбивали.

— Что это такое?— спросил Игнашка.

— Тут собраны люди всего земного шара. Идет война за обладание всей землею. По ту сторону реки войска большевиков, а по эту — англичан.

— Кто на земле самые старшие, от кого зависит прекращение войны?

— У нас, англичан, самый старший король, а у большевиков — самыми старшими считаются мужики и рабочие.

— Все?— спросил Игнашка и подумал: „Значит, и мой отец бондарь теперь у них за старшего. Вот бы повидаться. Слушайте, англичане, а нельзя ли поймать одного вашего старшего, а другого ихнего и привести их к нам. Мы бы хотели поговорить с ними.

— Это невозможно. Простым смертным к большим людям во время войны и не подойти.

„Ну, это положим" — подумал Игнашка, вспомнив свои шарики.

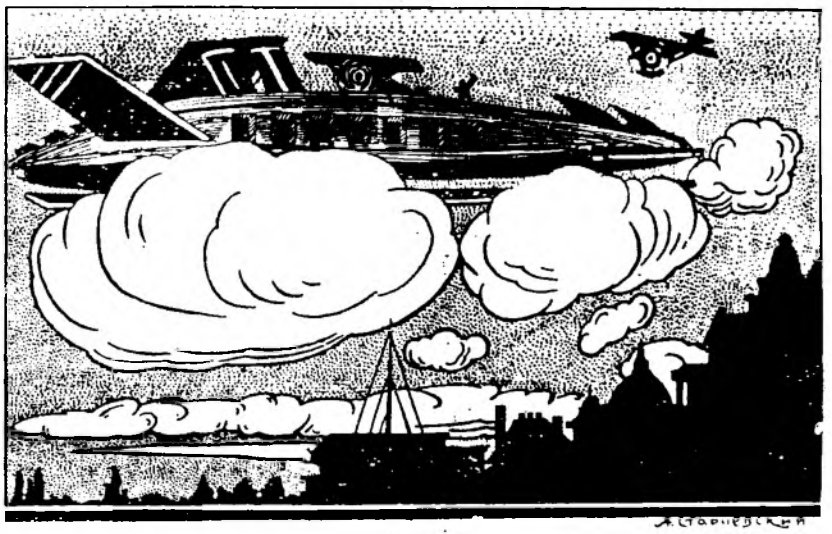
На земле — в связи с появлением машин в небе

Когда над фронтом повисли машины, военные действия немедленно были прекращены. Обе воюющие стороны попробовали - было стрелять в гигантов, но, видя бесполезность выстрелов, бросили это дело и стали наблюдать, теряясь в догадках, чьи это машины.

Когда наступила ночь, Игнашка приказал подняться машине Смерти и чуть-чуть поджарить землю. Было темно в небе. И вдруг— словно луна покраснела: над землей огненный шар повис. Страх охватил не только простых людей, но и кто поученей. Попы стали поговаривать, что это—божье наказание.

Раздался на весь мир голос:

— Люди земли! Завтра предлагаем вам прислать на одну из наших машин двух самых главных обладателей земли: одного от одной воюющей стороны, другого — от другой. Невыполнение вами сего приказания приведет к тому, что в следующую ночь мы сожжем всю вашу землю.



Машины людей земли осмелились и скользнули по поверхности луналитских машин

Вот тут и началось. На земле никто никого не стал слушать. Вот один русский рабочий - солдат — Топорков — и говорит:

— А знаешь что, ребята: в сущности ведь мы, рабочие и крестьяне, есть главные - то владельцы земли, а? Где наша ни пропадала. Пока там начальство соберется лететь на призыв, махнем - ка одного от нас, а другого от англичан. Авось, дело повернет так, что и войне конец. И вот от англичан рабочий - солдат Джемс, а от русских рабочий Топорков захватили аэроплан, сели и— айда к луналитам.

Встреча луналитов с представителями земли

— Так это вы главные владельцы земли и всего, что есть на ней?—спросил Игнашка, когда они прилетели.

— Да,— самоуверенно ответил Топорков. У нас в Советии все наше, а вот у них,— указал он на англичанина,—временно принадлежит королю, кажется, а это, все равно, ихнее.

— А зачем же вы опустошаете землю и убиваете друг друга?— спросил Машинопрос у удивленных людей земли.

— Вот тут в чем дело,—начал англичанин: — вот эти русские у себя революцию сделали: убили своего царя, поубивали всех дворян, это у них были привилегированные люди, вроде с особой кровью, уничтожили всех богачей и стали жить без них, советуя поступить так же всем рабочим других государств. А у нас короли, богачи и лорды были умнее русских, и мы с ними не справились. Когда у себя русские стали без привилегированных жизнь новую строить, вроде как бы земного рая и все чтобы не руками, а машинами делалось, нашим-то богачам это не понравилось— не верили они, чтобы простые мужики и рабочие могли сами без привилегированных, рай устроить. А наши рабочие верили. И вот, чтобы выбить из головы наших рабочих и крестьян веру в земной рай, нас послали воевать с Совдепией, а те стали защищаться. К ним стали примыкать рабочие из других стран. И получилось, что началась мировая война, где на одной стороне рабочие и мужики, что хотят без царей и дворян жизнь строить, а на другой — цари, короли, богачи и кто им еще верит.

...над землей огненный шар повис...

— Но кто же это такой земной рай жизни придумал,— поинтересовался Лунопроз,— что его не все люди захотели?

— Вот,—указал англичанин на русского,—у них такой человек был.

— Готовься в путь!— скомандовал тогда Игнашка.—А вы,— обратился он к рабочим,— садитесь на ваши машины и указывайте нам путь к могиле большого человека. А теперь его нет. Могила его в столице Совдепии.

Все трое спустились на землю и прошли на площадь.— Вот!— указал рукою Топорков.

— Войдемте!— предложил Игнашка.

— Нас не пустят... там стража.

— Тогда ждите меня здесь.

Страшный холод заледенил сердце. Тишина, как высоко во вселенной. В пальмах, в бледном свете, как восковой, лежал большой человек, с закрытыми глазами. В стекле. Игнашка подошел и глянул в лицо... еще ближе наклонился. Отшатнулся... Глазам не верит. На лице мертвого живая мысль застыла да так и осталась... Прочел... Вышел. Задумался.

— Ну, что?

— Нам надо его унести отсюда.

— Этого сделать нельзя. Народ не даст.

А если ему скажем, что его воскресим?

— Не поверят. Теперь народ ничему не верит.

Игнашка задумался... Один он мертвого не унесет. Взять с собой Прокошку,— Машинопрос машины уведет. Опуститься всем в город — переполох наделаешь: бой вспыхнет, и могила может сгореть. Стой! Линегуру и Машинопроса надо взять с собой. Чтобы пронести тело, часовых умертвить придется — тогда воскресим, если они ценны, скорее.

А. Фролов

(Окончание в следующем номере)

ПОХОЖДЕНИЯ ПРОКОШКИ И ИГНАШКИ

(Окончание)

Последний бой

Игнашка бросился к стоявшим снаружи англичанину и Топоркову. Топорков не знал еще, зачем Игнашка ходил в склеп и что захотел делать, но его удивило, что Игнашка долго оставался в могиле Большого Человека.

— Слушай, товарищ,— обратился он к Игнашке, что ты, собственно, затеваешь?

— Я хочу помочь людям кончить воину и хочу воскресить Большого Человека. Пусть скажет, что делать.

Топорков глубоко задумался.

— Нет, товарищ, ты задумал не настоящее. Без Большого Человека, конечно, плохо, но он нам указал путь к светлой жизни, и мы этот путь знаем.

— Почему же вы не прекращаете то, что у вас происходит?

— Видишь ли, брат, Великий Человек нам завещал непримиримую войну с богачами, но богачи всего мира соединились против нас. У них такие орудия смерти, которых у нас нет. Мы не можем против них устоять.

И вдруг Топорков подпрыгнул.

— Вы... луналиты, можете помочь. Пустите в ход ваши машины, и мы мигом скрутим буржуазию, сможем помочь рабочим вражеских стран.

На этот раз задумался Игнашка. Долго думал.

— Да, ты прав,— сказал он наконец.— Надо действовать.

Быстро бросился он к машине смерти.

— Руководи, кого бить надо,— сказал Игнашка.— Садись!— приказал он Топоркову. С ними поместилась и Линегура.

Прокошка остался у остальных машин.

Луналиты кинулись к зеркалу мира.

Была глубокая темная ночь, машина смерти полоснула небо.

— Говори, где враги рабочих,— обратился Игнашка к Топоркову, готовый направлять лучи смерти.

Бросали на стан врагов лучи смерти...

Они летали над землей, как перебрасываемый мяч, и там, где замечалось, что буржуазия побеждает рабочих, бросали на стан врагов лучи смерти. Видя, что в роде с самого неба как будто помогают рабочим, буржуазию об'ял неописуемый страх. Многим пришла мысль в голову, что рабочий класс, действительно, должен быть прав, стремясь устроить на земле жизнь, для всех равную. Ряды буржуазии дрогнули.

Окрыленный победой, пролетариат налегнул и вскоре на земле не осталось никого из буржуазии. Часть из нее погибла, а часть стала на сторону рабочих.

На земле поднялась такая радость, что крик людей был слышен высоко.

— Кончено,— радостно произнес Топорков. обращаясь к луналитам.— Рабочий победил. Теперь вы смело можете спускаться на землю — вас никто не тронет.

Когда люди земли узнали, что были за машины, висящие над ними, и кто были их владельцы, то решено было воспользоваться машинами, как местом для собрания совета рабочих всего мира. Первый эту мысль подал Топорков, явившийся в это время связующим звеном между людьми и луналитами. Луналиты не хотели спускаться на землю до тех пор, пока там все не уляжется, люди же земли, узнав от Топоркова о высокой технике машин луналитов, дали свое согласие собрать совет мира над землею.

Тогда появился приказ № 1. гласящий: Люди, мировая война уничтожена, болячки земли — гнезда королей, царей и дипломатов— стерты с лица земли, хозяевами жизни являются теперь трудящиеся: об'явите все, что есть на земле, достоянием всех и выберите достойных представителей в Совет Мира.

Все было в точности выполнено. Заминка только произошла при определении достойных людей. Избранными оказались лица, которые, имея здоровую голову, проработали всю жизнь и ко дню начала строительства новой жизни никакой собственности не имели.

Всем выбранным предложили собраться в определенном месте каждой страны, и охрана неба луналитов, снабдив людей крыльями, взлетела с удивленными представителями на машину „Победа".

Собрались: белокожие, чернокожие, краснокожие, желтокожие, смуглые, белесые, говорящие на всех языках и думающие одинаково. Линегура, увидя собравшихся, заметила:

— Люди на земле, как цветы — разноцветные.

А Лунопроз в своем дневнике отметил: „Слетелся Совет Мира. Он собрался на высоте, с которой виден весь земной шар. Когда луналиты показали людям в глаз мира их землю, они, увидав каждый свою страну, удивились, что она была такой маленькой в сравнении со всей землей".

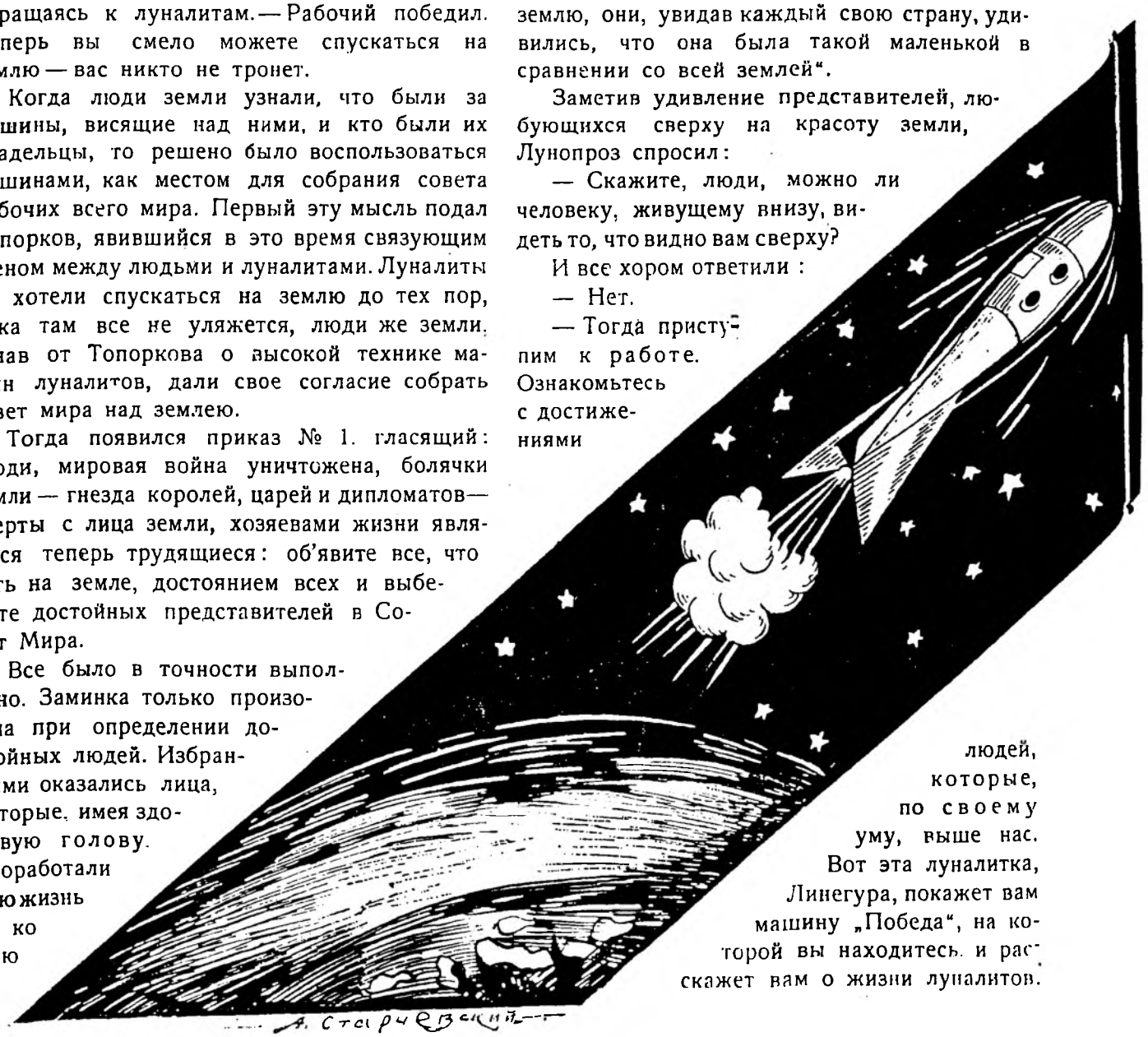
Заметив удивление представителей, любующихся сверху на красоту земли, Лунопроз спросил:

— Скажите, люди, можно ли человеку, живущему внизу, видеть то, что видно вам сверху?

И все хором ответили:

— Нет.

— Тогда приступим к работе. Ознакомьтесь с достижениями людей, которые, по своему уму, выше нас. Вот эта луналитка, Линегура, покажет вам машину „Победа", на которой вы находитесь, и расскажет вам о жизни луналитов.



— Я буду коротка, люди, — начала Линегура. — Главное у нас в жизни то, что мы любим труд, и у нас нет каторжного труда: у нас машина делает машину — и машины — все. У нас нет богов — мы полагаемся только на себя. Мы не знаем, что такое „твое“ и „мое“ — пища, одежда, кров роли особой у нас не играют и служат только украшением жизни и созданием в нас силы. Вся наша жизнь основана на машинах, и мы не зависим ни от дождя, ни от холода, ни от урожая. Нами изобретена даже машина Воскресения, и мы, если захотим, можем не умирать.

Совет Мира, заслушавшись, шел большим залом, где были сосредоточены все технические усовершенствования луналитов. Когда подошли к художественным снимкам, отображающим жизнь луналитов, они увидели такую красоту и победу человека, что не выдержали и сказали:

— Стоит и нам на земле за такую жизнь бороться!

— Стоит, стоит! — на всех языках говорил Совет Мира.

Прошло немного дней. Совет Мира постановил: задержать луналитов на земле со всеми их машинами до тех пор, пока на земле не будут сделаны такие же машины. Пригласили самых лучших инженеров и химиков. Ознакомились те и сказали: необходимо изобрести способ быстрого взлета на луну, ибо на земле не достать многих материалов, нужных для самой главной машины — Воскресения.

Изобретение нашлось: среди ученых был тот химик, что изобрел красные шарики и крикнул в небо пулей, зовя богов прилететь на землю и устроить в ней порядок. Это изобретение примирило луналитов с людьми земли, и они заключили союз.

Рейсы между луной и землей установились в сутки. Люди земли немедленно были командированы на луну для изучения в ней всей техники. Луналиты не боялись теперь, что разобьется их хрустальное небо. С луны на землю, с земли на луну везлись материалы. Через год все люди земли были снабжены крыльями. Расстояние было побеждено.

Где был вечный холод на земле — машины дали тепло. Где была тропическая жара — машины дали прохладу. Песчаные пустыни превратились в поля. Загадочное голубое небо, про которое думали, что там сидят боги, посылающие дождь, гром и молнию, стало, по желанию людей, хмуриться и смеяться. О похоронах на земле забыли. Смерть, как исчезновение жизненной энергии в человеке, стала веселой свадьбой. Фиолетовые лучи машины смерти вливали в человека новые силы, и он просыпался, чтобы слагать снова и снова песни борьбе и победе.

С каждым днем становилась жизнь на земле прекрасней.

Многие луналиты поселились на земле, многие люди поселились в луне.

Линегура отдала свои крылья Игнашке, Прокошка взял крылья Зелентуи. Машинопрос полюбил Землиянку.

От союза луны с землей стала нарождаться новая, здоровая, красивая раса — землелуны.

Когда Лунопрос любовался как-то игрой детей землелунов, он отметил в своем дневнике:

„Человек все может сделать. Человек — это выше всего“.

А. Фролов